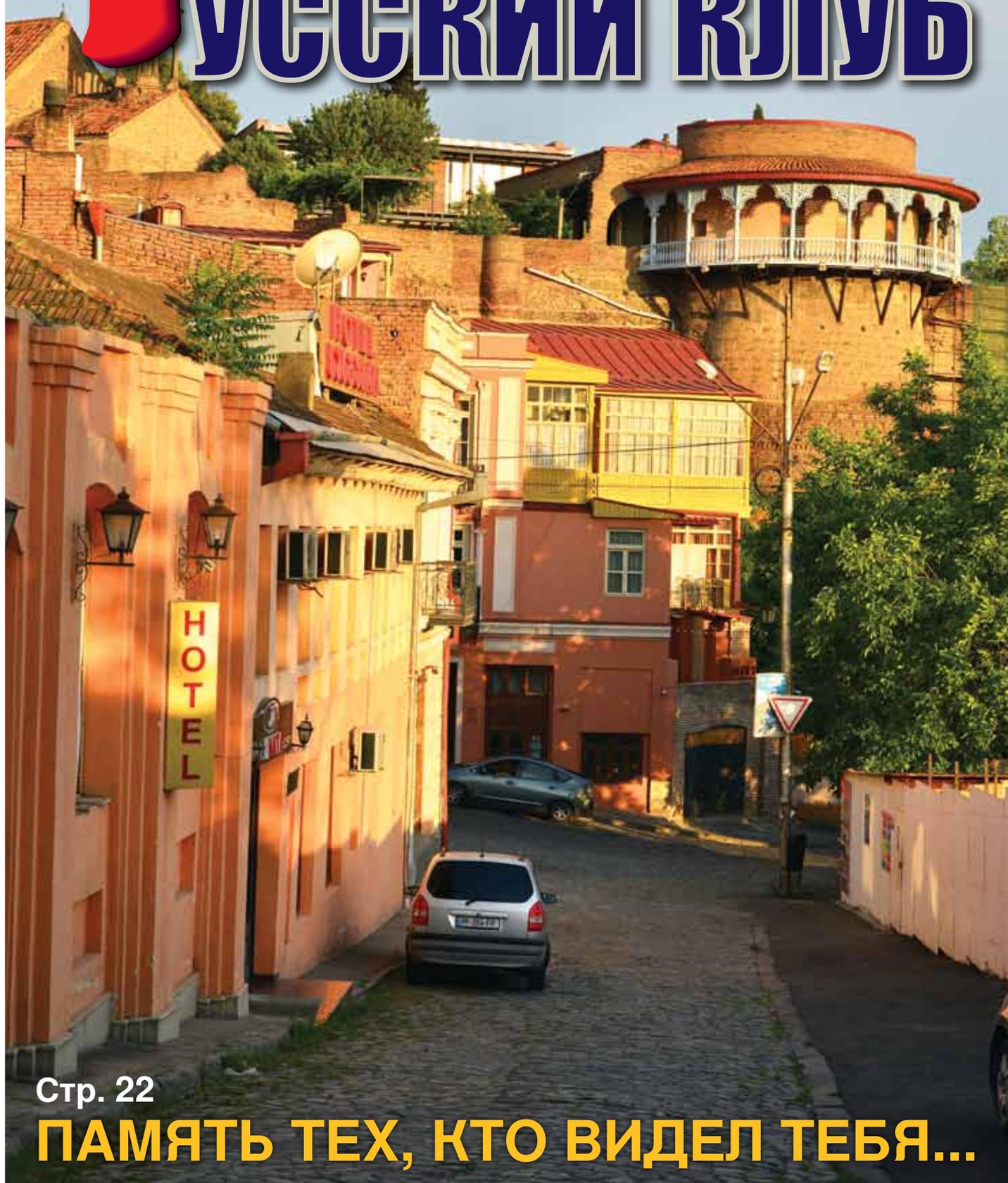

№6
Июнь 2020

ТУСУСКИЙ КЛУБ

Стр. 22

ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ВИДЕЛ ТЕБЯ...

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6⁽¹⁷⁶⁾
Июнь 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 МОЖНО ЛИ ОСТАНОВИТЬ ВРЕМЯ?
НИНА ШАДУРИ
- 12 ОСНОВНОЙ ЗАКОН ДИАЛЕКТИКИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 16 АЛХИМИЯ МИНАНКАРИ
ИРИНА КАНДЕЛАКИ
- 22 ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ВИДЕЛ ТЕБЯ...
ЛАНА ГАРОН
- 28 ЗВЕЗДНЫЙ СЛЕД КОНСТАНТИНА ГЕГЕЛАШВИЛИ
БОРИС ШАХНАЗАРОВ
- 31 О ДЕКАБРИСТЕ ГАНГЕБЛИДZE
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 34 ПРО РЕКЛАМУ И НАГЛЯДНУЮ АГИТАЦИЮ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 37 В ВОДОВОРОТЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»:
ЗИССЕРМАНЫ
НИНЕЛЬ МЕЛКАДZE, КОНСТАНТИН ЗИССЕРМАН
- 47 ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ ТБИЛИСИ
ИННА БЕРИДZE
- 53 РАДОСТЬ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА

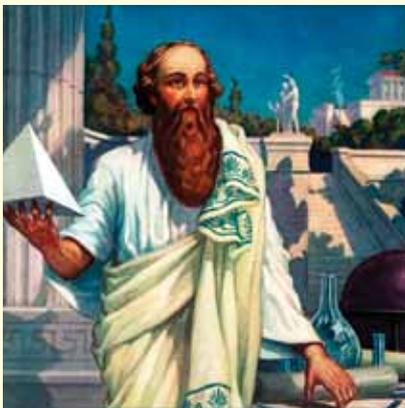
На обложке – ВИННЫЙ ПОДЪЕМ СО СТОРОНЫ УЛ. ДУТУ МЕГРЕЛИ.
ТБИЛИСИ

Фото: Александр СВАТИКОВ

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ВЕЛИКИЙ МАТЕМАТИК И ГЛАВА ТОТАЛИТАРНОЙ СЕКТЫ

Его звали Пифагор, в честь прорицательницы Пифии, предсказавшей, что родившийся ребенок будет «выделяться красотой и мудростью и принесет человечеству величайшую пользу». Он стал философом и объяснял устройство мира на основе чисел, музыкантом, рассчитавшим математически «гармонию сфер», прозорливым ученым, одним из первых доказавшим, что Земля имеет шарообразную форму, мистиком, создавшим свое таинственное учение, практически новую религию. Пифагор жил в Древней Греции. Он родился на острове Самос в семье богатого знатного купца в 570 году до н.э., получил подобающее образование и в молодости много путешествовал. Пифагор прожил в Египте почти три десятилетия, побывал во многих землях Передней Азии до самой Персии, где, как пленник царя Камбиза, провел еще 12 лет. Он получил много знаний от египетских жрецов, халдейских мудрецов, магов и чуть ли не от самого Заратустры. Пифагор был мыслителем, первым назвавшим себя философом, то есть «любителем мудрости». Также впервые именно он назвал вселенную космосом, то есть «прекрасным порядком». Предметом его

учения был мир как стройное целое, подчиненное законам гармонии и числа. Когда он уже зрелым человеком вернулся из долгих странствий на Самос, у него возникли неприятности с правившим там тираном Поликратом, пришлось эмигрировать в греческие полисы Южной Италии. Вот там-то Пифагор и развернулся во всю ширь. Он основал философскую школу, больше похожую на некий закрытый религиозный орден, масонские ложи или позднейшие тоталитарные секты. Харизма философа была настолько явной, что привлекала всеобщее внимание везде, где он только ни появлялся. Неудивительно, что уже при жизни о Пифагоре ходили легенды и создавались мифы. Он быстро стал известен и обрел большое число поклонников. К сожалению, что в действительности им говорил философ мы не знаем, — только в пересказе учеников. Написанием трудов он, похоже, не заморачивался, и какие мысли излагал сам мудрец, а какие присочинили позже, не очень ясно. А еще Пифагор верил в переселение душ, и его обширная секта объединялась вокруг этой веры. По сути, Пифагор основал свою собственную религию, ее основой были воздержание, вегетарианство и взаимопомощь. Неофитам вообще первые пять лет запрещалось говорить, а только слушать, что скажут старшие или сам Учитель. Адепты исполняли красивые обряды, танцевали, пели, музицировали, общались на интеллектуальные темы и делили общую трапезу, подобно членам кружка Гурджиева в первой половине XX века. Последователей было больше двух тысяч, что по тем временам было очень-очень немало. Это не могло не обеспокоить власти городов, где распространялось пифагорейское учение. Участники секты слишком активно вмешивались в политику. Они даже практически захватили власть в Кротоне, ставшего базой пифагорейской секты, и в некоторых других городах. Это, естественно, не могло закончиться хорошо — рассерженные горожане, подзуживаемые местными тиранами, напали на Дом мудрости союза пифагорейцев и сожгли его. Погибло много адептов. Сам мудрец то ли выжил и, как пишут, умер в глубокой старости, то ли удалился в обитель и уморил себя голодом. Но его дело — тоталитарная и деструктивная секта продержалась еще какое-то время, став образцом для будущих тайных сообществ. А учение блестящего философа пережило века. Его не любил Гераклит, признавал, но старался не упоминать Аристотель, а также ценил и превозносил Платон. Он-то дал учению новую жизнь, отобразив самое ценное.

НЕ ЛЮБИЛ ДЕТЕЙ И ДРУЖИЛ С КОРОЛЕМ

Он вошел в историю, как великий детский сказочник, а детей всю жизнь избегал. И вообще, как вспоминали современники, он неоднократно говорил, что писал для взрослых, а не для малышей. Великий Ганс Христиан Андерсен, а правильнее Ханс Кристиан, появился на свет 215 лет назад в датском городе Оденсе в семье бедного башмачника — доброго, талантливого и весьма поэтичного человека. Дедом Ханса был прекрасный резчик по дереву, создававший причудливые сказочные фигурки, которые любили детишки. Ханс плохо учился, у него была дисграфия, и даже став писателем, Андерсен всю жизнь писал с чудовищными ошибками. Доходило до того, что ему приходилось нанимать переписчиц, а то издатели не могли прочесть и первой страницы рукописи. Он рос замкнутым мальчиком, имел непривлекательное лицо с длинным носом, худую неказистую долговязую фигуру с длинными руками и ногами. Ни с кем из школьных приятелей Ханс Кристиан не общался: ребята его беспощадно дразнили, потому он всю остальную жизнь не любил и боялся детей. Его единственным и лучшим другом на всю жизнь стал живший неподалеку в богатом дворце мальчик Фритси — принц и будущий король Фредерик VII. Наследник престола был главным товарищем Ханса Кристиана по играм и беседам. Более того, Андерсен был единственным человеком, не принадлежащим к королевской семье, кому разрешили попрощаться с Фредериком VII, когда тот одновременно скончался. В четырнадцать лет после смерти отца юноша уехал в Копенгаген. Там он попробовал поступить на сцену в театр и три года пробегал в массовке, так и не получив ни одной значимой роли. Зато за это время он прилично освоил немецкий и немного латынь. А потом Андерсен решил писать пьесы. Его первая работа «Солнце эльфов» в работу не пошла, но привлекла к нему внимание совета дирекции Ко-

ролевого театра. Были замечены проблески дарования юного драматурга, и решено было просить короля о назначении юноше персональной стипендии для обучения в гимназии. Стипендия была получена. Учился он с немалыми трудами, мучаясь от придирок недоброжелательных преподавателей. Однако в 1828 году Ханс Кристиан поступил в Копенгагенский университет и окончил курс со степенью кандидата философии. Все время учебы он совмещал с писательством, написав заметки о своем путешествии пешком и симпатичный водевиль, который был поставлен и имел большой успех. На первые же заработанные деньги Андерсен исполнил свою важнейшую мечту – отправился в путешествия. Он проехал за жизнь всю Европу, побывал в Америке, Турции и Марокко, причем в некоторых странах по несколько раз. Написав цикл стихов о Дании, Андерсен преподнес их молодому королю Фредерику. Добрый Фритси велел выделить старинному другу детства Хансу Кристиану щедрое пособие, которое тот, естественно, потратил на двухлетнее путешествие. В странствиях писатель не только знакомился с достопримечательностями и черпал темы для своих произведений, но и встречался со многими знаменитыми людьми – композиторами Францем Листом и Феликсом Мендельсоном-Бартольди, поэтом Генрихом Гейне, скульптором Бертелем Торвальдсеном, писателями Виктором Гюго, Оноре де Бальзаком и Александром Дюма. А у Чарльза Диккенса во время поездки по Англии он даже гостил долгих пять недель – это было много, и не понравилось ни хозяевам, ни самому Андерсену. Характер у датчанина был всегда непростым, к тому же он по-английски почти не понимал. Но дружбу писатели все же сохранили. За долгие годы и в странствиях и дома Андерсен много написал: несколько романов, большое число пьес, сборников стихов и поэмы, но главный венец его творчества, с чем он вошел навсегда в мировую литературу – это сборники его гениальных грустных сказок. Они были и остаются невероятно популярны. На них выросли бесчисленные поколения детей, которые любят их героев – Русалочку, Герду и Кая, стойкого Оловянного солдатика, Голого короля и Свинопаса, Дюймовочку и Гадкого утенка. И детям нет никакого дела до комплексов старого писателя, который не любил и боялся детей. В день его смерти был объявлен национальный траур – ибо Ханс Кристиан или, если кому больше нравится, Ганс Христиан Андерсен был и остается символом прекрасной Дании и одним из величайших сказочников в истории.

ЮБИЛЕЙ АКАКИЯ ЦЕРЕТЕЛИ

Поэт, писатель, просветитель, крупный общественный деятель родился 180 лет назад в имеретинском селе Схвители в княжеской семье Ростома Церетели и Екатерины Абашидзе. Согласно старинному дворянскому обычаю ребенок был отдан на воспитание в соседнее село Саванэ, в крестьянскую семью Парсадана Канчавели и Мано Садунишвили, кормилицы Акакия. «Тут и встал я на ноги, – писал он много лет спустя, – тут я впервые заговорил, и отсюда начинаются мои воспоминания». И подчеркивал, «если во мне есть хорошее и доброе, благодаря тому, что рос в деревне, с крестьянскими детьми».

Писать стихи Акакий начал еще подростком, учеником Кутаисской гимназии. Потом был Петербург, факультет восточных языков. Студенческая жизнь пришлась на начало шестидесятых, когда вокруг зарождался интерес к новым идеям, новым политическим и общественным движениям. Студентом он впервые опубликовал перевод стихотворения М. Лермонтова «Ветка Палестины» в журнале «Цискари» и привлек к себе внимание как маститых литераторов, так и общественности. В 1862 году он окончил университет, представив дипломную работу «Об оригинальности поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Из Петербурга он вернулся домой, в Тифлис, и стал одним из первых грузинских поэтов, избравшим своей профессией литературный труд. Творчество приносило совсем немного денег. Акакий к тому времени женился на Наталье Базилевской, дочери крупного фабриканта и владельца золотых рудников. Однако отец Натальи умер и его состоянием полностью завладел его брат. «Мне досталась только жена, – шутил поэт, – а приданое, увы, досталось другим». Акакий бедствовал, но не унывал.

Это было время, когда в Грузии резко вырос интерес к общественной жизни, что повлекло за собой подъем литературного творчества. Акакий с близкими друзьями Ильей Чавчавадзе и Рафаэлом Эристави были в гуще всех происходящих в Грузии событий, практически они возглавили движение шестидесятников страны. Вместе они основали Общество по распространению грамотности, которое приобрело значение исторической важности для всей страны и ее будущего. Помимо активного сотрудничества в периодических изданиях, Акакий стал издавать свой журнал «Ежемесячный журнал Акакия», в котором публиковались его основ-

ные произведения – поэмы «Торник Эристави», «Натела», «Патара Кахи» («Маленький кахетинец»), одна из лучших его повестей «Баши-Ачуки». Его стихи заучивали наизусть, переписывали и передавали друг другу, перелагали на музыку и пели. Песни на стихи Акакия Церетели поют до сих пор не только в Грузии, но и далеко за пределами страны: «Сулико», «Таво чемо» («Моя головушка»), «Цицинатела» («Светлячок»), «Мухамбази».

По воспоминаниям современников, во всех светлых и интересных начинаниях Акакий Церетели всегда принимал самое активное участие. Еще в молодости, вернувшись из Петербурга, вместе с Р. Эристави в Кутаиси он создал любительскую театральную труппу и связал свою жизнь с театром навсегда. В Тифлисе же он был и режиссером, и актером, и автором многочисленных драм, комедий, водевилей, интермедий. На основе сюжетной канвы его поэм были созданы грузинские оперы. В зрелые годы он активно сотрудничал с журналом «Дроеба», остро откликаясь на злободневные проблемы жизни Грузии. И вдруг наступил период, когда он прервал свои публикации. В редакцию посыпалось бесчисленное число тревожных писем от читателей.

Летом 1912 года Акакий Церетели совершил путешествие в регион Рача-Лечхуми, которое стало историческим фактом зарождения грузинского кинематографа. Режиссер и оператор Василий Амашукели снял первый полнометражный документальный фильм об этом удивительном путешествии, отражающим действительно всенародную любовь к Поэту.

25 января 1915 года Акакия не стало. Тысячи людей со всех уголков Грузии прибыли проводить в последний путь любимого поэта. Впереди многолюдной похоронной процессии несли огромный веночек с короткой надписью: АКАКИЮ ОТ ГРУЗИИ. ■

Иринэ Гочашвили

МОЖНО ЛИ ОСТАНОВИТЬ ВРЕМЯ?

■ **Нина ШАДУРИ**

«Только поверхностные люди не судят по внешности», – говорил Оскар Уайльд. Не хочется прослыть поверхностным человеком, да и потом – любое знакомство, действительно, начинается именно с внешнего впечатления. Общение с переводчиком, поэтом, музыкантом, автором книги переводов и стихотворений «Остановившееся время» Иринэ Гочашвили – тот несчастный случай, когда очарование первой встречи впоследствии не ослабевает, а только лишь усиливается, и ты проникаешься все большей симпатией к прелестному артистизму, эрудированности, глубине и четкости суждений, мягкому юмору этого человека. У Иринэ удивительная родословная, а в ее судьбе много как счастливого, так и трагического. Поговорить было о чем – и мы поговорили. А начали, конечно, с темы Цхинвали – самой любимой и самой болезненной для нашей собеседницы.

– Мое детство прошло в Цхинвали. Это был замечательный

маленький многонациональный город. Цхинвальцев связывали совершенно особые отношения – закрывать двери в домах было не принято, все были соседями, родственниками или друзьями, все друг друга прекрасно знали. Каждый уголок города моего детства для меня незабываем. Вместе с Цхинвали я потеряла свое огромное счастье. На родине – в Грузии – я потеряла мою малую родину – Цхинвали... Я с огромным удовольствием вернулась бы в родной город. мечтаю об этом.

– **У вас интересная родословная.**

– Именно так, мне очень повезло. Во мне течет осетинская, грузинская и русская кровь. Моя бабушка по материнской линии Кристина Тедиашвили была заслуженным врачом Грузии, главным педиатром тогдашней Юго-Осетинской автономной области. В 50-е годы, когда в республике появилась холера, в инфекционной больнице не хватало коек. Бабушка поставила

восемь коек в самой большой комнате собственной квартиры и разместила там заболевших детей... Она служила своему делу до самого конца, и ее домашний адрес – улица Гогебашвили, дом 5 – знал весь город. Помню, она всегда была готова к вызову, и в любое время дня и ночи, в любую погоду отправлялась к пациенту. Зачастую – пешком. Грузинка, она прекрасно знала осетинский язык. Кстати, она была еще и замечательной пианисткой.

Бабушка очень хотела, чтобы я стала врачом, но по ее стопам пошла моя тетья, мамина сестра Ия Давитая. Она главный неонатолог Тбилиси, заслуженный врач Грузии, доктор медицины, президент профессиональной Ассоциации перинатологов и неонатологов Грузии, вице-президент Ассоциации женщин-врачей Грузии.

Дедушка, Владимир Хетагуров – выдающийся танцовщик, хореограф, педагог, заслуженный артист Грузии. Он во многом стал первопроходцем: был одним из первых постановщиков и исполнителей осетинских танцев на профессиональной сцене, одним из основателей Юго-Осетинского театра, одним из основателей ансамбля Сухишвили-Рамишвили. Вместе с Илико Сухишвили участвовал в гастролях кавказских хореографов и танцовщиков в Лондоне, и Илико потом рассказывал, что «Володя с ума сводил англичан, и не зря английская королева-мать вручила ему золотую медаль».

Дом бабушки и дедушки был культурным центром Цхинвали. Сколько замечательных людей приходили к ним в гости! Здесь беседовали о музыке, литературе, театре. На балконе нашего дома композитор Виктор Дolidзе написал увертюру к своей опере «Кето и Котэ».

– **Ваши родители – не менее знаменитые люди.**

– Говорить о родителях как-то неловко. Естественно, для каждого человека его папа и мама – особенные, самые красивые и талантливые. Но я дам себе право рассказать о моих родителях с гордостью.

Моя мама, Мзия Хетагури – поэт, переводчик, драматург,

С мамой Мзией Хетагури

актриса. Между прочим, ей было всего 12 лет, когда Иосиф Гришашвили сказал: «Эта девочка – поэт». Мама была актрисой Цхинвальского театра, но все время писала. Благодаря ей я попала в писательскую среду. Она уникальный, очень сложный, многогранный человек. Таких людей непросто понять, принять. Их надо любить и прощать. У нее безупречный вкус. Она прекрасный редактор, и многих поставила на литературную стезю.

Папа, Джемал Гочашвили – народный артист Грузии. Был ведущим актером Цхинвальского театра имени Коста Хетагурова. Когда Сократа в исполнении папы увидели приехавшие в Цхинвали представители театра Марджанишвили, сразу же пригласили его в свой театр. Папа отказался. Он был невероятным патриотом своего

театра и остался служить там до конца. Вы, наверное, знаете, что вот уже почти 30 лет театр находится в изгнании – в 1991 году, в разгар грузино-осетинского конфликта, Цхинвальский театр вынужденно переместился в Тбилиси. Сегодня он носит имя Иванэ Мачабели.

Папа и мама учились в первой школе Цхинвали и вместе участвовали в драматическом кружке, основанном директором школы – знаменитым педагогом и общественным деятелем Вахтангом Касрадзе. Кстати, более двадцати членов этого драматического кружка стали профессиональными актерами.

Я закулисный ребенок, и театр для меня – святое место. Больше всего в театре я любила и люблю не премьеры, а репетиции, читку за столом. Забегая вперед, скажу, что мне довелось служить ассистентом режиссера в Цхинвальском театре. Я работала с Лери Паксашвили, Гогой Габелая, Торнике Марджанишвили... Этот театр по-прежнему в моем сердце. Он держит высокую планку в искусстве, успешно гастролирует, участвует в фестивалях и один раз в месяц играет в Малом зале Театра Руставели.

До четвертого класса я училась в Цхинвали, а потом успешно сдала экзамены и поступила в музыкальную десятилетку для одаренных детей имени Палиашвили при Тбилисской консерватории, где занималась по классу скрипки профессора Серго Шанидзе. У меня была прекрасная скрипка – Гварнери, бабушка приобрела ее по счастливому случаю.

– И кем же вы собирались стать? Врачом, актрисой, скрипачкой?

– Игра на скрипке доставляла мне огромное наслаждение. Но я мечтала стать актрисой. И чуть было не попала в кино – на главную роль. В самом начале 1980-х меня, школьницу, пригласили на пробы в картину «Серафита». Я отнеслась к этому очень серьезно. Видимо, занятия скрипкой, которые требуют необыкновенной усидчивости, и участие в концертах, где со сцены громко произносятся твои имя, а потом ты выходишь и играешь у всех на виду, выработали во

мне огромную ответственность. Я отправилась к маме, и она дала мне книгу, в которой был опубликован небольшой рассказ о Серафите. Я узнала, что в 1940 году в Армази обнаружили ее могилу с эпитафией – знаменитую армазскую билингву: «Я, Серафита, дочь Зеваха, горе тебе, которая была молодая, и столь хорошая и красивая была, что никто не был ей подобен по красоте, и умерла 21 году (жизни)». Я очень вжилась в ее судьбу и была совершенно уверена, что меня утвердят. Но – раздался телефонный звонок, и мне сообщили, что на роль взяли другую девушку. Я так расстроилась, что у меня подскочила температура – до сорока. Теперь я очень хорошо понимаю переживания актеров, которые не получили желанной роли! Прошло время, фильм вышел на экран, и мы с подружкой пошли на просмотр в Дом кино. Я добрый человек, но, должна признаться, позлорадствовала – картина не получилась... А потом произошло вот что. Мама лежала в больнице, и я пришла ее навестить. Сажу в палате, и вдруг в коридоре раздается какой-то шум. Смотрю – камеры, осветительные приборы! Оказалось – снимают кино.

იოსებ გოჩაშვილი
Ирине Гочашвили

ბანკიბანკი იმ
ОСТАНОВИВШЕЕСЯ ВРЕМЯ

Группа кавказских хореографов в Лондоне. 1935

Я не обратила на это никакого внимания, потому что твердо решила, что кино меня больше не интересует. Вдруг в палату заглядывает женщина, видит маму и восклицает: «Ой, Мзия! Что ты здесь делаешь?» – «Что я могу делать в больнице? Болею. А ты?» – «У меня съемки. Вот подбираю медсестру для сцены, но никто не подходит... А это кто?» – «Иринэ, моя дочь» – «Отлично! Ну-ка, пойдем со мной!». Это была кинорежиссер Лиана Элиава, которая снимала картину «Начало пути». Перед камерой я почувствовала себя, как рыба в воде. И мне было очень интересно. Тем более такие звезды стояли рядом – Марика Джанашия, Мака Махарадзе, Тенгиз Арчвадзе, Берта Хапава... Я никому не сказала, что снялась в кино. Да и о чем было рассказывать – это же не главная роль. И что вы думаете? Картину привезли в Цхинвали, и папа со своими друзьями пошел ее смотреть. Увидел меня на экране, и так разволновался, что ему стало плохо. Он вызвал меня к себе на

разговор. «Ну, и что ты собираешься делать?» – «Хочу поступать в театральный». И тут папа задал мне вопрос, который, думаю, каждый родитель должен задать ребенку, который собрался стать артистом: «Ты уверена, что будешь лучшей?» Я задумалась... «Все ясно! – заключил папа. – Если бы ты была уверена в себе, ты бы не задумалась. А без уверенности в этой профессии делать нечего. Ты любишь театр, знаешь его, чувствуешь. Пусть так и остается. Продолжай заниматься музыкой».

– Но вы не пошли по музыкальной линии, а поступили в Литературный институт имени Горького в Москве. Почему?

– В Цхинвали любой ребенок сразу же становился полиглотом, все говорили на трех языках – осетинском, грузинском и русском. Это было обычное дело. Мне русский язык давался особенно легко. И наступил тот счастливый день, когда в Тбилиси в очередной раз приехала Анаида Николаевна Беставаши-

Владимир Хетагуров. Москва. 1925

вили. Мы были знакомы – она знала меня как талантливую девочку, приходила на мои концерты. Она искала молодых людей, которых можно было бы обучать переводческому делу, беседовала со мной о литературе, задавала разные вопросы, и я даже спросила у мамы, не экзаменует ли она меня? Эти беседы действительно оказались своего рода экзаменом, после которого Анаида Николаевна и дала мне совет – поступать в Литературный институт.

– После стольких лет упорных занятий вы отказались от скрипки?

– Музыкант, как и актер, зависимая профессия. Надо было сделать выбор. Москва, простор, Анаида Николаевна... Конечно, Литинститут победил!

– Вступительные экзамены сдали легко?

– Французский, русский, русская литература меня не пугали. А вот история – на русском языке... Но я готовилась целый месяц, прошла весь предмет по-русски, сдала и поступила! И началась моя московская жизнь – замечательная, очень интересная! Знаете, если бы я не поехала в Москву, то никогда бы не познакомилась со многими кавказцами – адыгейцы, абхазы,

чеченцы, ингуши, дагестанцы, а еще – студенты из Болгарии, Коста-Рики, Финляндии и даже из Эфиопии! А вот грузин в Литинституте тогда училось мало.

– Кто, например?

– Дима Мониава – он был младше на два курса. Замечательный поэт, прекрасный человек, умница!

– Кого из педагогов вспоминаете с благодарностью?

– В первую очередь и всегда – Анаиду Беставашили. Она не только профессионал высочайшего класса, но и необыкновенный человек. Мы называли ее «мама Ида», она была нашим учителем, покровителем и защитником, оазисом тепла в холодной Москве.

Как не вспомнить выдающегося поэта и переводчика Льва Озерова? А Владимира Смирнова, который читал нам курс русской литературы? А Мариэтту Чудакову – легендарного булгаковеда? У нас был предмет, который назывался «текущая советская литература». Нам пришлось штудировать даже «Цемент» Гладкова – а это, я вам скажу, посложнее «Капитала»! А потом к нам пришла Мариэтта Омаровна, и мы, как заговорщицы, слушали ее лекции на совершенно другие темы, не имеющие отношения к советской литературе. Мы изучали Булгакова, Набокова, занимались настоящей литературой, творчеством.

– Расскажите о ваших московских впечатлениях.

– О, это театры, выставки, музеи, кино! Я побывала везде – Большой театр, Малый театр, Ленком, театр Пушкина, театр Маяковского, театр «Ромэн», консерватория... И вот парадокс – триумф Сухумского театра я наблюдала не в Грузии, а в Москве, на сцене театра имени Пушкина. Вы представить себе не можете, какой это был успех! Они почти затмили театр Руставели, который в то же время играл в Малом театре. Вся Москва говорила о Сухумском театре. Главным режиссером тогда был Гоги Кавтарадзе. Его спектакль «Венецианский купец» стал для меня открытием,

потрясением. Он совершенно отличается от постановки Стурюа. Вы сами знаете, Стурюа любит намеки, неоднозначность. А Кавтарадзе ставил ясно, четко, понятно.

Я никогда не забуду закрытый показ фильма «Покаяние» в ЦДЛ. Мама отдала мне свою членскую книжку Союза писателей СССР, благодаря чему я и попала на показ. Закадровый текст – вживую – читал Михаил Квливидзе. Вообще, у него был бархатный приятный голос, но он настолько сопереживал происходящему на экране, что голос дрожал и срывался. Фильм шел около трех часов. У меня было место, но я его уступила пожилой русской женщине, которая, как потом выяснилось, сама пережила все то, о чем шла речь в фильме. Я простояла на ногах все три часа. И даже не почувствовала усталости – настолько велик был шок. Когда показ закончился, минут пять в зале стояла полная тишина. А потом разразились невероятные овации.

Еще одно потрясение моей московской жизни – знакомство с Фазилем Искандером и Андреем Битовым, которое состоялось, конечно, благодаря Анаиде Николаевне. Фазиль Их беседы я слушала с упоением. Где бы еще мне довелось послушать подобные «лекции»? А вскоре я начала переводить

Кристина Тедиашвили

Анаида Беставашвили со своими студентами. Москва

Битова. Работалось с ним очень легко! Он даже шел на компромиссы – разрешал разбивать одно предложение на несколько, чтобы грузинский читатель не потерял авторскую мысль. У Битова длинные, бесконечные предложения – по-русски это звучит прекрасно, но грузинский язык подобное не всегда выносит.

– Работа переводчика – дело неблагодарное...

– Да, мы тянем очень тяжелую лямку, и наш труд не ценится по достоинству. Поэтому Пушкин называл переводчиков «почтовыми лошадками просвещения». Не знаю, каждый ли грузин прочитал «Витязя в тигровой шкуре» целиком. А мы изучили не только оригинал, но и все пять полных переводов на русский язык – Бальмонта, Петренко, Нуцубидзе, Цагарели и Заболоцкого.

Николай Заболоцкий – великий переводчик великого Шота Руставели. Вы читаете первые строки, и вы уже там – в руставелевском мире...

– Во время вашего студенчества грянуло 9 апреля...

– Да... 6 апреля я успешно защитила диплом на тему «Русские поэты о Грузии». Мы с Анаидой Николаевной строили планы, предполагали, что я поступлю в аспирантуру, продолжу научную работу... Ничего этого не случилось. 9 апреля произошло то, что произошло. Жестокая ирония судьбы. Очень многие в России не верили в происшедшее – не может быть, чтобы этот солнечный народ избивали лопатками! Не верили! Даже писатели не верили! Помню, наш лектор по истории, которая очень хорошо ко мне относилась, сказала: «Только не надо говорить, что

С Анаидой Беставашвили

вас русские били!» А я ответила: «История покажет, кто кого бил». Знаете, такой ответ в то время был своего рода геройством.

В те дни я сдавала экзамен по научному коммунизму. И наш грозный лектор Мальков, которого мы боялись, как огня, не задал мне ни одного вопроса – сразу поставил оценку.

Мне пришлось вернуться в Тбилиси – все рухнуло, перемешалось, отношения с Россией разладились... Моя книга «Остановившееся время» должна была выйти в издательстве «Мерани» в 1989 году под другим названием. Но она увидела свет лишь 25 лет спустя. Ее редактором стала Марина Тектуманидзе, которой я очень благодарна.

А в 1991 году погиб мой муж Лаша Церетели. Он был воен-

Танцуют студенты Литинститута

Гиви Сихарулидзе, Лиана Элиава, Мзия Хетагури, Роберт Винонен и Иринэ Гочашвили

Джемал Гочашвили в роли Сократа

ным, гвардии майором, служил в Национальной гвардии. Помню наш последний разговор и его слова: «Я в грузин стрелять не буду»... Дочке было тогда год и восемь месяцев. Она не помнит своего отца... В моей жизни наступила пауза, и я на долгие годы просто выпала из жизни – закрылась в себе, не появлялась в обществе, занималась ребенком. А когда «вернулась» – это был уже совсем другой мир. Нужно время и нужное место, где мне надо было оказаться, я пропустила. Все было занято. И название моей книги – «Остановившееся время» – не случайно. Я сама остановила для себя время.

– **Что вас больше всего огорчает в этом, как вы говорите, «совсем другом мире»?**

– Для меня абсолютно непри-

емлемо, когда творческие люди уходят в политику. Не приемлю, когда такими прославленными учебными заведениями, как Консерватория, Академия художеств или Театральный институт руководят люди, назначенные по партийным спискам. Должность становится для них трамплином в политику. Мы видим много таких примеров. И у меня есть огромное желание, возможно, утопическое, чтобы министр культуры, министр образования, министр здравоохранения или ректор вуза не были зависимы от партийных списков. Необходимо, чтобы эти должности занимали профессионалы, пришедшие из соответствующей сферы, с серьезным опытом работы именно в этой сфере, которые могли бы одинаково внимательно беседовать как с представителями по-

зиции, так и оппозиции, выслушивать и учитывать предложения и рекомендации каждой из сторон. В противном случае власти сами станут апологетами того, с чем пытаются бороться. Таково мое пожелание как избирателя.

– **Из чего складывается ваша сегодняшняя жизнь?**

– Воспитываю внучку. Помогаю маме в ее литературной деятельности. Общаюсь с аудиторией: меня приглашают на телевидение, радио. Публикуюсь.

Ия Давитая

Выступаю. Но мне бы хотелось, чтобы моя практика, мой опыт нашли определенное рабочее применение в литературном процессе. Мне очень этого не достает. Когда-то я остановила свое время, и поезд ушел без меня...

– **Но этот поезд был в огне, как поет Борис Гребенщиков. Может быть, вы поступили правильно.**

– Может быть... Сейчас я занимаюсь и редакторской деятельностью. Эка Бакрадзе, очень хороший поэт из Хашури, переводит на грузинский язык стихотворения Анны Ахматовой. Я помогаю ей как редактор и, кроме того, перевожу на грузинский язык воспоминания современников об Ахматовой. А еще на моем письменном столе лежат «Блоха» и «Леди Макбет» Лескова и «Натали» Бунина – намереваюсь их перевести. Помню, этот бунинский рассказ еще в юности зацепил меня фразой: «Вот они сейчас войдут во всей своей утренней свежести, увидят меня, мою грузинскую красоту...».

Гия Канчели и Роберт Стуруа

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ДИАЛЕКТИКИ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

БЕККЕТ. «КОНЕЦ ИГРЫ»

Премьера Роберта Стуруа с провидческим названием «Конец игры» по пьесе франко-ирландского абсурдиста Сэмюэля Беккета состоялась буквально накануне объявления пандемии коронавируса, повлекшей за собой запрет на посещение театров, музеев, выставок. И те, кто успел посмотреть спектакль, кстати, посвященный памяти выдающегося композитора Гии Канчели, заговорили о пророческих откровениях режиссера-постановщика. Потому что пьеса Беккета, в которой определенно звучат апокалиптические мотивы, насыщена прямыми и непрямыми цитатами из Библии, в ней затронуты вопросы бытийного характера. А версия Роберта

Стуруа расширяет рамки абсурдистской драмы до масштабов мирозданческого порядка.

Для тех, кто не успел посмотреть спектакль вживую до введения ограничений, был проведен эксперимент – повторная премьера онлайн, которую показал грузинский телеканал «Имеди».

...Сначала камера под будоражащую музыку стремительно «въезжает» в непривычно пустой зрительный зал с накрытыми тканью креслами. Открывается сцена. Звучат религиозные песнопения. Из глубины со свечой в руке появляется мальчик. С Библией, которую бережно кладет на авансцену – сомнений, что это Священное писание, не возникает... С первых же се-

кунд нас погружают в атмосферу гибели мира. На эту задачу работает целый арсенал художественных средств: звуковое, световое оформление, вся сценография спектакля (художник Мириан Швелидзе). В какой-то момент «разверзлись хляби небесные» и «сверху» полилось ослепительное сияние, затем открылась безмолвная и бескрайняя звездная бездна, из которой проявились два гигантских глаза – словно «оттуда» кто-то наблюдает за происходящим. Над порталом в глубине сцены – ангел с трубой. Ведь согласно Библии последний трубный глас должен возвестить о наступлении Судного дня.

Зрители видят безрадостную картину. Слово после войны, стихийного бедствия или экологической катастрофы. Фэнтезийное синее освещение дополняет впечатление ирреальности происходящего. На сцене – тело, накрытое саваном. Сначала кажется – бездыханное! Но «мертвец» оживает – из-под покрывала появляется Клов (Гога Барбакадзе). «Все кончено, все кончится, все, возможно, кончится!» – кричит он изо всех сил. Открывается портал – и на авансцену медленно выкатывается инвалидное кресло-трон с восседающим на нем Хаммом (Давид Уплисашвили), окутанным белой тканью. Над ним висит виселица – символ неотвратимости возмездия. Еще один знак связан с преисподней. Время от времени Клов идет на «кухню» (под сценой), где адово пламя готово поглотить грешников.

Герои беккетовской драмы проживают последние часы в «предлагаемых обстоятельствах» апокалипсиса. Но как проживают? Что будет происходить в минуты апокалипсиса? Как поведут себя люди в последние мгновения, в ожидании божьего суда? Этими вопросами задается режиссер и пытается найти на них ответы.

В образе Хамма в спектакле театра Руставели словно воплощено мировое зло – звучит сквозная, излюбленная тема Стуруа. Тема всевластия, тема тоталитаризма. В лице беккетовского тирана оживают все злодеи, властолюбцы, грешники, знакомые по творчеству режис-

Сцены из спектакля «Конец игры»

ашвили и Леван Берикашвили). Они живут в мусорных баках, в каких-то опилках, кое-как питаются. И однажды Хамм просто приказывает Клову «убрать этот мусор и выбросить его в море».

Взаимоотношения Хамма и Клова в спектакле (и пьесе) парадоксальны, абсурдны, что и является предметом художественного изображения и анализа Роберта Стура. То, что только обозначено у Беккета, в спектакле руставелевцев развернуто, наполнено реальным, конкретным содержанием.

Хамм и Клов – классические Тиран и Раб. В их взаимоотношениях проявляется основной закон диалектики – закон единства и борьбы противоположностей. Они две половины единого целого. Господин не может существовать без раба, но и раб не в силах освободиться от своего господина, при этом их связь драматична, конфликтна, основана на любви-ненависти. Впрочем, здесь все еще сложнее. Потому что раб рабу рознь. Один слуга по призванию, а другой тяготится положением холопа... В Клове сочетаются оба эти свойства. Он бесконечное количество раз пытается разорвать путы зависимости и уйти от хозяина, но не может этого сделать. Бунтует, но... в итоге выполняет самые бредовые или преступные приказы и требования Хамма. Более того – он по-своему, парадоксальным, странным образом привязан к тирану. Искренен в заботе о нем. Вспомним старого слугу Фирса из «Вишневого сада», для

которого отмена крепостного права стала «несчастьем». Клов осознает монстримзм Хамма, но все равно спаян с ним какими-то невероятно прочными узами. «Не многих удерживает рабство – большинство за свое рабство держится», – говорит Сенека в своих «Письмах к Луцилию». Тяготится подчиненным положением, но почему-то держится за свое рабство и герой Беккета. Вопросает сам себя: «Почему я не уйду? Почему не могу оставить этого человека?».

Отношения Хамма и Клова – это, по Стура, модель человеческого мироустройства. Та же модель – известная парочка Поццо и Лакки из другой пьесы Беккета «В ожидании Годо». Опасность такого союза в том, что «ручные», послушные рабы часто становятся слепым орудием в руках деспотов наподобие Хамма. И ничего не меняется на пороге уничтожения человечества. В одной из сцен Клов неожиданно расправляет плечи и по-хозяйски заявляет: «Настало время привести здесь все в порядок! Порядок прежде всего!» И вдруг в рабе Клове нам начинает мерещиться будущий тиран. Потому что в сущности тиран и раб – две стороны одного человека. Вчерашний раб может стать при определенных обстоятельствах тираном – и наоборот.

Ближе к финалу Клов хватается ружье и целится в Хамма. Однако выстрел так и не был произведен, а вскоре оружие оказывается в руках господина. Но ситуация повторяется. Никто ни

сера, и один из наиболее ярких – легендарный Ричард III в исполнении Рамаза Чхиквадзе.

Хамм претендует на исключительные страдания, на которые не способно человеческое стадо. «Бывает ли на свете... мучение... возвышеннее моего? Несомненно. Бывало в прежние времена. Но сейчас? Мой отец? Моя мать? Моя... собака? О разумеется, я готов допустить, что они страдают, насколько вообще подобные существа способны страдать. Но значит ли это, что наши страдания соизмеримы? Чем выше человек, тем больше он страдает», – считает Хамм, уверенный, что даже в обстоятельствах конца света у него особая миссия по спасению мира. При этом слепой «сверхчеловек» чудовищно относится к стареньким родителям – инвалидам Наггу и Нелл (Нана Пачу-

в кого не стреляет. Потому что на самом деле эти двое грешников необходимы друг другу и объединяются, когда что-то реально угрожает налаженному порядку их земного существования. Парадоксально, но даже в условиях тотального разрушения всего и вся! А угрожает «парочке»... Священное писание. В финале на сцене вновь появляется безгрешное дитя, мальчик – Спаситель. И в нем Хамм безошибочно угадывает опасность. «Убей его!» – приказывает Хамм Клову. И Клов стреляет! Но пришелец неуязвим. Финал: посланник небес выходит к зрителям и поднимает руки к небесам. Умоляет о спасении Человека.

ТОЛСТОЙ. «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

Но может ли спастись человек, одержимый опасными идеями и обуреваемый большими страстями? Художественного руководителя театра имени К. Марджанишвили Левана Цуладзе и его коллегу режиссера Темо Куправа заинтересовала древняя, как мир, история Адама и Евы – мужчины и женщины. Их вечного рокового противостояния. Опять – единство и борьба противоположностей. Основной закон диалектики.

Леван Цуладзе и Темо Куправа – авторы инсценировки – обратились к толстовской повести «Крейцерова соната», в которой извечная борьба полов показана как смертельный поединок с кровавым исходом. Они не стали прибегать к плоскому и пошлому «осовремениванию»

знаменитого произведения и пошли другим путем – тактично соединили в спектакле не только разные эпохи (отраженную в оригинале и день сегодняшний), но и разные виды искусства. Сцена оказалась поделенной на две части.

...Начало. В импровизированном вагоне поезда, на левой стороне сценической площадки, идет живой диалог, в котором принимают участие попутчики – мужчины разных сословий и взглядов (Бесик Бараташвили, Джаба Киладзе), две женщины. Одна – эмансипированная мадам (Кети Цхакая) в мужском костюме, галстук и сигаретой в зубах, другая – рассуждающая продвинутая дама (Манана Козакова-Цуладзе). Кто-то говорит о праве женщины на любовь

и свободное волеизъявление, другие – о вреде новых идей и необходимости сохранения стародавних устоев: «жена да убьется мужа своего», третьи рассуждают о природе истинной любви, основанной на духовном родстве... Все – по Толстому.

Правая сторона сцены – павильон, гримерная – как угодно! Здесь актеры, снимающиеся, по замыслу постановщиков спектакля, в экранизации «Сонаты», отдыхают, приводят себя в порядок и обсуждают коллизии толстовской повести уже с точки зрения современного человека. Дело в том, что Цуладзе и Куправа, мыслящие свежо и оригинально, придумали забавный трюк, прием. Зрителям не сразу дают понять, что в левой части сцены идет съемка, и лишь спустя какое-то время публика замечает, что иллюзию движения поезда создает какой-то человек, рядовой член съемочной группы – он просто раскачивает «вагон» сзади. Это сразу снимает пафос умных рассуждений «попутчиков». Происходит мгновенное переключение с реалий литературного произведения на современность. С присущим Цуладзе и его театру изящным юмором и лиризмом. Вместо литературных начинают работать законы сцены. Но этим создатели спектакля не ограничиваются – театральная форма соединяется с эстетикой кинематографа. И делается это легко, органично, играючи: вдруг

загорается экран, бегут титры, информирующие об актерах, занятых в спектакле-кино.

Леван Цуладзе максимально задействовал современные технические возможности театра (сценография Левана Цуладзе). Использование всей совокупности пространственных видов искусства, основанного на закономерностях визуального эстетического восприятия, помогает ему в острой, яркой форме донести до зрителя суть происходящего на сцене. Он делает это не только из желания удивить (хотя театр должен, естественно, и удивлять, и поражать!), но и про-

Сцены из спектакля «Крейцерова соната»

сто из стремления порадовать публику, создать праздник. Потому что для самого Цуладзе театр – это, прежде всего, праздник! Даже если речь в спектакле идет о гендерных проблемах и убийстве на почве ревности.

Мощный эффект возникает от видеоизображений на нескольких экранах (видеоинсталляция Давида Двалишвили). Они создают то иллюзию движения поезда, когда в окошке вагона «бегут» быстро сменяющиеся снежные пейзажные картинки из толстовской повести; то вид оживленной «стрит» с бесконечной вереницей пешеходов уже из нынешней реальности. Сценическая коробка как бы перестает существовать, стена вдруг исчезает и открывается знакомая всем улица перед

театром Марджанишвили. Мы видим на экранах облетающие розовые цветущие деревья или облака на голубом небе, а потом – крупный план тревожно-красивого женского лица. Лица жены Позднышева (Лела Мебуришвили). Дополняют впечатлительные пластический рисунок спектакля (хореография Тинатин Цуладзе), саунд-дизайн (Зураб Гаглошвили). Время от времени пространство буквально «прошивают» режущие-лязгающие металлические звуки. Они в сознании зрителя ассоциативно связываются с постоянно присутствующим на сцене (в каких-то эпизодах он очень активно задействован) прямоугольным металлическим столиком на колесиках, очень напоминающим каталку-тележку из операцион-

ной или из... морга. Отсюда – ощущение боли, холода, смерти.

Успех спектакля марджановцев во многом обусловлен участием тонкого, глубокого, эмоционального актера Ники Кучава, недавно сыгравшего Гамлета. Наэлектризованность его героя из «Сонаты», существующего «у бездны мрачной на краю», охватывает и публику – вибрации проникают в зрительный зал. С первых же мгновений, когда вдруг выясняется, что раскачивавший «вагон» ничем не примечательный мужчина из съемочной группы сам однажды оказался в ситуации толстовского героя Василия Позднышева – убил жену на почве ревности. До поры до времени молчавший вулкан пришел в состояние активности, и потекла такая клокочущая лава откровений и признаний, что мало не покажется! И свидетелями, слушателями страстной и горькой исповеди персонажа Ники Кучава становятся... члены съемочной группы. Они же – персонажи этой трагической истории любви-ненависти.

О чем спектакль «Крейцерова соната»? О борьбе полов? Вряд ли. Да и неинтересно. Спектакль – о любви. Тяжелой, больной, некрасивой. Убийственной и убивающей. А еще точнее – о невозможности любви. Когда она эгоистична и основана лишь на чувственности, а не на духовном родстве близких душ. Собственный жизненный опыт Льва Толстого доказал, что идеал недостижим. ■

Михаил Цалкаламандзе

АЛХИМИЯ МИНАНКАРИ

■ Ирина КАНДЕЛАКИ

Заслуженный художник Грузии Михаил Михайлович Цалкаламандзе продолжает активно работать и создавать удивительные произведения без оглядки на то, что он уже считается классиком прикладного искусства и вошел в историю культуры нашей страны как один из первых мастеров, возродивших древнее искусство грузинских перегородчатых эмалей. Более полувека он передает свои секреты мастерства подросткам. В недрах Дворца молодежи, или, как привычнее – легендарного Тбилисского дворца пионеров – у него имеется рабочий кабинет, в котором царит совсем не дворцовая обстановка: здесь стучат молотками, колдуют возле тигля, преодолевают сопротивление металла. Вся жизнь нашего героя проходит в нелегких трудах, даже поездки на различные творческие симпозиумы, выпавшие на его долю, были заполнены решением профессиональных вопросов. Впрочем, одна поездка выбива-

ется из этого ряда. Михаилу Михайловичу довелось побывать в Израиле в составе творческой делегации в те далекие времена, когда посетить Святую землю из-за политических разногласий было практически невозможно. Исключение сделали для грузинской делегации после открытия фрески Руставели в монастыре Святого Креста в Иерусалиме. Руководители диаспоры грузинских евреев постарались принять гостей на самом высоком уровне, так что поездка удалась на славу. Для нашего героя самыми ценными сувенирами из библейской страны стали камень, подобранный на Масличной горе, из которого он впоследствии выточил крест, а также горсть земли из подворья Крестового монастыря. Михаил Михайлович высыпал в монастырском дворе привезенный из Грузии чернозем, а опустевший мешочек решил заполнить почвой, по которой некогда ступал Шота Руставели. Однако земля во дворе оказалась окаменелой

«Разлад»

– руками не соберешь. Рядом толпились сопровождавшие делегацию мальчики из фольклорного ансамбля, одетые в чохи и подпоясанные кинжалами. Они мгновенно отреагировали на призыв учителя взрыхлить землю и принялись орудовать декоративными кинжалами на глазах обалдевшего греческого священника.

Землю из легендарной обители добыли. По мнению Михаила Цалкаламандзе, это был хороший знак – ведь Шота Руставели имеет самое непосредственное отношение к возрождению древнего искусства перегородчатой эмали. В начале 60-х годов XX века в Грузии с особой торжественностью отмечали 800-летие бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Этот юбилей дал мощный толчок к возрождению национального самосознания, народных традиций, интереса к истории. С празднования этой даты и начался новый этап в истории возрождения традиционного грузинского искусства. Вместо красных знамен, звезд и прочей советской символики на плакатах появились рыцари в кольчугах. Памятные медали, афиши, значки, выпущенные к

юбилею, были оформлены в стиле традиционных орнаментов с использованием старинного грузинского шрифта.

Выдающиеся художники Ираклий Очаури и Коба Гурули одними из первых стали работать в технике чеканки и очень быстро приобрели множество последователей. Чеканка украсила интерьеры современных зданий, в художественных салонах появились великолепные портреты, картины, чаши, украшения, металлические оклады для книг, а затем сувенирные лавки быстро наполнились доступными по цене штамповками на латуни с томными танцовщицами в национальном наряде. В течение многих лет, пока гости «Солнечной республики» раскупали на сувениры вина, кин-

В мастерской художника

Декоративное панно «Бык»

жалы и папахи, перегородчатые эмали терпеливо ждали своего часа в надежно защищенных золотых кладовых музеев. Минанкари не спешили раскрыть свои тайны. Между тем умельцы с упорством алхимиков принялись искать рецепты эликсира жизни для этой «спящей красавицы».

Секреты перегородчатой эмали заинтриговали многих, был в их числе Миша Цалкаламанидзе, в ту пору студент Тбилисской Академии художеств.

В числе первых мастеров ему удалось возродить искусство минанкари. С тех пор более 60 лет он создает художественные перегородчатые эмали. С его изысканными миниатюрами, иконами, панно-пластинами, статуэтками, ювелирными изделиями восхищались во многих странах мира. В Тбилиси, Москве, Киеве, в ГДР и ФРГ прошли персональные выставки, на которых были представлены перегородчатые эмали Михаила Цалкаламанидзе и его супруги

Циалы, а также ее керамика и текстиль. Работы мастера были показаны во Франции, Японии, Индии, Вьетнаме, Венгрии, Чехии, Литве. Поражает, что на его миниатюрах выразительные лица и пластичные фигуры «выписаны» различными оттенками эмали, создающими эффект светотени.

– Вы помните, как вы «заболели» эмалями?

– Разумеется, помню. По Академии художеств разнеслась сенсационная новость, что один из преподавателей сумел изготовить эмаль с перегородками. Я ринулся к нему с вопросами: как он добился успеха, в чем секрет его технологии? Однако лектор сухим тоном посоветовал дождаться выхода его книги, в которой он поделится своими открытиями. Я решил не ждать, а идти своим путем. Занялся изучением пластики металлов, разобрался в их физических и химических свойствах, стал учиться обжигу, шлифовке, креплению перегородок на пластине, сварке, экспериментировать с эмалевыми красками. Мое упорство не пропало даром. Первым, кто возродил перегородчатые эмали, был художник Автандил Спарсиашвили, а я был вторым.

– Сколько времени ушло

«Баллада»

на ученичество и эксперименты?

– Они делятся до сих пор!

– От кого унаследовали творческие гены?

– В роду я первый художник, хотя в моем роду все ценили и любили искусство. А теперь в моей семье сложилась династия – моя супруга Циала и дочь Русудан стали моими верными соратницами по творчеству. Много лет вместе с женой мы преподавали во Дворце молодежи, сейчас работаю вместе с дочкой. Обучаем детей минанкари, резьбе по дереву, чеканке, керамике, ковроткачеству и другим народным промыслам. Наши воспитанники – лауреаты многих конкурсов. Получается, что вся моя жизнь связана с Дворцом – преподаю уже полвека, а в детстве сам в нем учился.

– Кто был вашим первым наставником?

– Замечательный педагог изостудии Дворца пионеров Григол Месхи! Достаточно сказать, что наш учитель был другом таких корифеев культуры, как поэт Галактион Табидзе и актер Акакий Хорава. Они частенько заходили навестить Месхи, засиживались у нас в студии, запросто общались с нами. Вот было время!

– Глядя на вас, складывается образ не привычного советского учителя, а скорее царского офицера. Поправь-

те, если я ошибаюсь.

– Напротив, такое сравнение для меня большая честь. Отец, которого я практически не знал, был до революции военным – офицером кавалерийского полка, кавалеристом был и его брат, мой дядя, во многом повлиявший на мое воспитание. Такое происхождение ко многому обязывает. Понимаю, что из дипломатии порой стоит промолчать, однако приходится идти в атаку, если сталкиваешься с несправедливостью и подлостью. Особенно, когда затронуты интересы моих учеников. Сколько было случаев, когда отстаивал их конкурсные работы, добивался, чтобы награды были вручены по заслугам, а не по блату. Моя мама тоже была

«Паланга»

максималисткой. Она начала свою врачебную практику с хирургии. В годы Первой мировой войны мама, молоденькая девушка, осталась за старшую в военном госпитале в Новороссийске, потому что остальной персонал сбежал при наступлении красных. Через пару дней город опять заняли белые, и какой-то генерал при входе в госпиталь был остановлен сторожем: «Княжна не велела никого впускать!». Мама не была княжеского рода, но сторож, пораженный ее решительностью, наградил ее титулом. За героическое спасение раненых в Новороссийске маму наградили Георгиевским крестом. Затем она работала хирургом в Тбилиси, потом в течение многих лет была детским врачом в поликлинике, и ее знал весь район.

– Имея такую родословную, странно, что вы не стали ни военным, ни врачом.

– Юность и молодость я отдал своей страсти – моделированию судов, даже возглавлял Федерацию судомодельного спорта Грузинской ССР. Кстати, это увлечение неожиданно-негаданно оказало мне помощь при поступлении в Академию художеств. Замечу, что профессионально заняться творчеством я решил очень поздно, практически в тридцать лет. Прежде чем идти на экзамены, было благоразумно проконсультиро-

«Рыба»

ваться у профессора Давида Николаевича Цицишвили, который был не только выдающимся специалистом, но и на редкость отзывчивым человеком, которого за глаза все ласково называли Додиком. С большим волнением я отнес ему на суд свои работы. Перебрав чеканки и рисунки, профессор обратил внимание на деревянную модель кораблика, которую в мой портфель чуть ли не насильно запихала моя мама. «Вот такие работы нам нужны! – воскликнул Цицишвили, рассматривая кораблик. – У вас еще есть?». Узнав, что имеется целая флотилия, Давид Николаевич распорядился привести весь флот в Академию. Мои модели он выставил не где-нибудь, а в кабинете ректора – профессора живописи Аполлона Кутателадзе. Экспозиция вызвала интерес. Таким образом, моя судьба была решена: после экзаменов

я стал студентом отделения промышленного дизайна Академии художеств. Моя дипломная работа – электромобиль – осталась невостребованной, но я не особенно огорчился. Все мои мысли уже в годы студенчества были прочно связаны с созданием перегородчатых эмалей, а также с ювелирным искусством.

Тематика ранних произведений Михаила Цалкаламанидзе берет начало в грузинской дохристианской архаике: автор посвятил несколько циклов мифологическим образам зверей, знакам зодиака, более поздние работы дают аллюзии на скульптуры бронзового века, средневековые легенды и рисунки рукописных книг. Ювелирные изделия и статуэтки эмалиера отличаются прихотливой изысканностью формы и нежные переливы красок. А вот жанровые его композиции выполнены ла-

пидарно, с юмором, в них ощущаются позитивная энергия и любовь к соотечественникам. Таковы композиции «Сбор чая», «Хлеб и лоза», «Семья», «Урожай», «Материнство», «Аджарский танец». Перед трагическими событиями гражданской войны в Грузии мастер создал скульптуру «Разлад» – две женские фигуры с почти одинаковыми лицами разъединены трещиной. События последних десятилетий наложили особый отпечаток на его работы, наполненные философской глубиной и болью за судьбы людей. Все чаще он обращается к темам высоким, духовным, библейским.

– В чем же заключается особенность грузинской перегородчатой эмали?

– В Грузию эмали пришли из Византии в раннем средневековье. Но есть мнение, что

Кулон «Цветок»

Кулон «Цветок»

Витой браслет

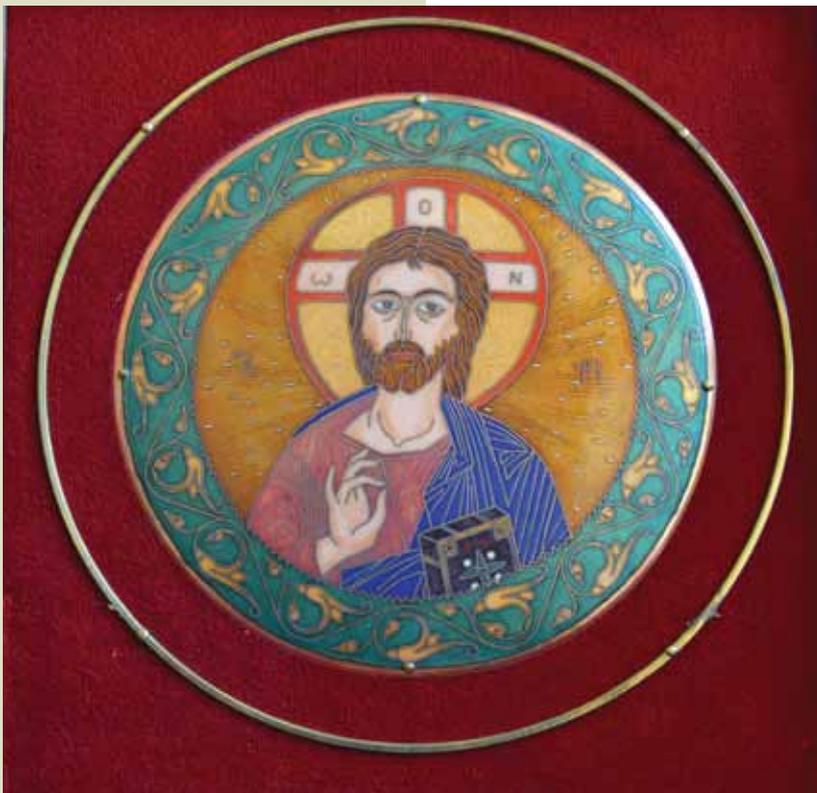
технология зародилась в Сасанидском Иране, а оттуда уже попала в Византию. В пользу этой версии свидетельствуют персидские корни слова «минанкари». Грузинские мастера украшали эмалевыми вставками оклады чудотворных икон, кресты. Знаменитый оклад Хатхульской иконы Божьей Матери был сделан где-то до 1154 года, он имеет размеры 116 на 95 сантиметров, украшен 115 эмалевыми пластинами. Это самое большое эмалевое произведение грузинской древности. Минанкари делали почти исключительно на золоте. А слой эмали был толстым, почти 2-3 миллиметра. Для древнегрузинской перегородчатой эмали характерна углубленная прозрачность, использование темно-зеленых и винных оттенков.

– Почему при возрождении древних технологий возникли такие сложности?

– Мастера древности прикрепляли золотые нити перегородок (толщиной 0,2 мм и 0,1 мм) к золотой пластине. В полученные углубления заливали расплавленную эмаль. Современные мастера работают с серебром. Мне первому удалось показать, что при определенном навыке на серебре возможна горячая пайка. Работая с серебром, следует добиться равномерного линейного расширения эмали и металла, иначе при нагреве эмаль будет трескаться. Само собой, что современные мастера работают с фабричными эмалевыми красками, которые выпускают в виде плиток и порошка. А в древности их изготавливали самостоятельно. По сути, эмаль – это расплавленное стекло с добавлением солей разных металлов.

– Обычно навыки передаются из поколения в поколение, как получилось, что технологии были утрачены?

– Многочисленные набеги захватчиков сделали свое дело, завоеватели не только истребляли народ, но и его культуру, угоняли в рабство мастеров. В XV в. преемственность поколений была нарушена – искусство минанкари было утрачено. Некоторые реликвии, чудом сохра-

«Иисус Христос»

ненные в монастырях, в середине XIX века в связи с интересом коллекционеров были вывезены за пределы страны. Самое громкое дело связано с похищением сокровищ из Гелатского монастыря в 1856 году, когда фрагменты чудотворной Хахульской иконы оказались в различных частных коллекциях. Спустя годы на родину были возвращены лик и руки Богородицы и богато украшенный складень. Остальные фрагменты считаются утерянными.

– Когда ученые обратили внимание на грузинские эмали?

– Одним из первых ими заинтересовался во второй половине XIX века историк, археолог и этнограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук Дмитрий Бакрадзе, который обратился с письмом в высшие органы власти Российской империи с просьбой защитить грузинские реликвии от хищений и продажи в частные коллекции. В этом деле большую помощь ему оказал авторитетный историк, академик Петербургской АН Никодим Кондаков, специалист по византийскому и древнерусскому искусству, создатель иконографического метода

изучения памятников искусства. Кондаков первым из искусствоведов разграничил византийские и грузинские эмали, доказав их оригинальную ценность. Следует с благодарностью вспомнить и деятельность большого знатока народного прикладного творчества Давида Николаевича Цицишвили, моего учителя. В 1973 году он организовал в Тбилиси Первый международный симпозиум по эмали. Именно этот симпозиум и выставка в его рамках положили начало традиции ежегодных симпозиумов Союза художников СССР в Паланге по всем видам живописи и прикладному искусству. Благодаря этим творческим встречам, национальные школы эмали получили большой импульс для развития.

...
В настоящее время возрожденные перегородчатые эмали стали самыми популярными сувенирами. Они очаровывают палитрой красок грузинской природы – лазурью неба, темным бархатом южной ночи, рубином винных струй. Рассматривая витрины прилавков, кажется, будто радуга рассыпалась на сотни фрагментов и превратилась в нарядные ожерелья, браслеты, медальоны, перстни, серьги. И

совсем не задумываешься, какой труд кроется за всем этим великолепием.

Михаил Цалкаламанидзе заслужил авторитет среди эмальеров разных стран не только как изысканный художник. К числу профессиональных открытий относятся и метод горячего крепления, и горячая пайка, и защитные очки. Впрочем, кто вспоминает о технических сложностях, когда видит итог филигранного мастерства – сочетание пластики металла и переливов эмали! Художник неоднократно участвовал в международных форумах мастеров по эмали в венгерском Кечкемете, где делился с коллегами своими изобретениями. В память об одном из симпозиумов в Венгрии остался каталог, обложку которого украшает работа Михаила Цалкаламанидзе.

Мастер и сегодня продолжает много работать. Как он

Браслет «Рыбки»

шутливо говорит, «бороться с чертовщинкой», отвоєвывая у перегородчатой эмали ее секреты. Он гордится, что воспитал несколько поколений продолжателей своего дела. Многие его воспитанники стали известными мастерами. А один из его учеников Иосиф Зангалдзе создал икону Св. Георгия, которая хранится в ризнице величественного кафедрального собора Святой Троицы в Тбилиси. О чем может еще мечтать мастер? Наверное, в этом и заключается смысл творчества – воздвигать мост, объединяющий прошлое и будущее.

Евгений Лебедев

ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ВИДЕЛ ТЕБЯ...

Лана ГАРОН

Девятого июня исполнилось 23 года, как умер гениальный артист Евгений Лебедев. Осталась память. Лишь зыбкая память. И она подводит, потому что артиста надо видеть на сцене! Это, по словам самого Лебедева, – ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ВИДЕЛ ТЕБЯ.

Нам трудно представить Евгения Лебедева молодым человеком. Мы узнали его уже зрелым мастером. Да и само время еще не убежало от нас слишком далеко. Благодаря техническим средствам мы услышали голос артиста, увидели его пластику, манеру игры, глаза, движения. Мы знаем его Холстомера, Бессеменова, Артуро Уи... Но даже в ранней работе, сохранившей облик, как нам кажется, совсем молодого Евгения Лебедева, ему уже 38 лет – это Ромашов

в фильме «Два капитана» (1955 г.)

В 1940 году, сразу после окончания училища Камерного театра (реорганизованного в Московское городское театральное училище), Евгений Лебедев приехал в Тбилисский Русский театр юного зрителя им. Л.М. Кагановича. Его «сговорил» старший товарищ – Гога Товстоногов по простой и, на первый взгляд, смешной причине: у молодого артиста не было зимнего пальто, а, по словам Гоги, в южном городе можно было спокойно без него обойтись. За плечами Лебедева осталась непростая, полная треволнений и скитаний, жизнь «поповского сына».

В Тбилиси Евгений Лебедев приехал, когда ему было 23 года, а уехал из Тбилиси, когда

ему было почти 32.

Русский ТЮЗ являлся в то время совершенно уникальным театром даже для такого театрального города, как Тбилиси. Это был первый в Закавказье театр для детей, созданный в 1927 году по инициативе Н.Я. Маршака (главного режиссера ТЮЗа вплоть до 1960 года) и К.Я. Шах-Азизова (знаменитого впоследствии директора Центрального Детского театра в Москве).

Мечта о создании театра для детей зародилась у Маршака в период, когда он руководил детским домом. Он являлся и одним из инициаторов создания первой в Союзе детской железной дороги, которая работала в знаменитом городском саду Муштаид. Николай Яковлевич был предан «идее детства». Имея некоторое внешнее сходство с известным детским поэтом и такое же отчество, он взял себе псевдонимом фамилию Маршак, что впоследствии породило некоторую путаницу исследователей и биографов, считающих их родными братьями. На самом деле настоящая фамилия Николая Яковлевича – Чечет; семья жила в отдельном домике во дворе католического костела на улице Калинина, и, вероятнее всего, кто-то из его предков был католическим священнослужителем.

Русский ТЮЗ, возглавляемый Маршаком, был подчинен общему пониманию высокой миссии – служению Детству. Свидетельством энтузиазма, которым был охвачен весь коллектив, может послужить такой случай. За афишами первого спектакля – «Гайавата» – отправился администратор М.Г. Барутчев. Он вернулся с афишами, но без зубов. Цена оказалась больше, чем рассчитывали, и Михаил Григорьевич, не раздумывая, расплатился своими золотыми зубами (впоследствии именно Барутчев дал путевку в «театральную» жизнь Р.М. Мерабову, который начал при нем мальчиком-администратором; его дочь, Татьяна Барутчева-Мергелова, стала руководителем педагогической части ТЮЗа, а внук работает сегодня главным администратором в Театре музыки и пес-

ни Елены Камбуровой). Перед коллективом стояла задача приобщить детей к искусству, познакомить с произведениями русской и мировой драматургии, научить языку театра. Отношение к детям было любовное и очень серьезное. Юные зрители писали о своих впечатлениях от спектаклей в тюзовскую многоотиражку «Дети Октября», позднее – «Вестник ТЮЗа». Работал «Актив школьников», в который стремились попасть, кажется, все школьники грузинской столицы. Педагогическая часть занималась с детьми читкой пьес и разбором спектаклей. В репертуаре стояли «Ромео и Джульетта», «Коварство и любовь», «Разбойники», «Бедность – не порок», «Поздняя любовь», «Сказки Пушкина», «Василиса Прекрасная», «Овод», «Дубровский»...

В пеструю, многокрасочную и богатую впечатлениями театральную жизнь Тбилиси Русский ТЮЗ вписывался абсолютно и органично.

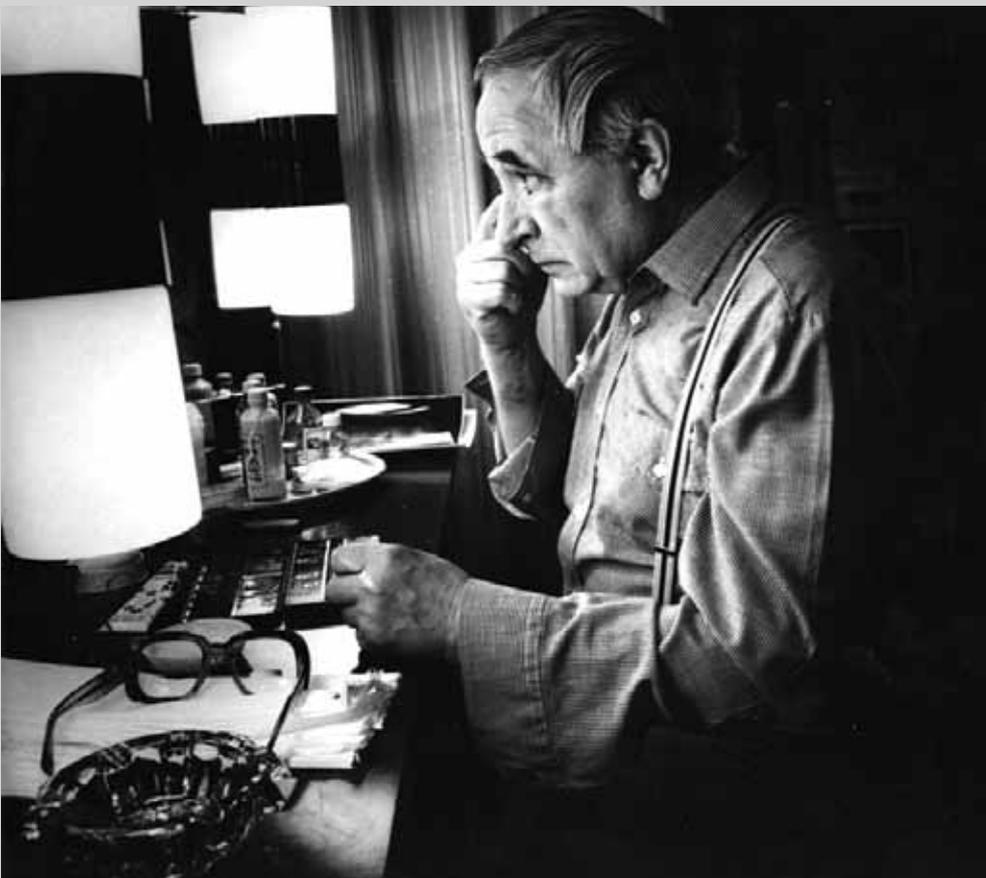
Многие известные деятели отечественной культуры начинали свой творческий путь именно с Тбилисского Русского ТЮЗа.

Свой первый в жизни профессиональный спектакль «Предложение» Г.А. Товстоногов поставил именно здесь в 1933 году; совсем мальчиком он сыграл Балду в пушкинской сказке и в общей сложности проработал в Русском ТЮЗе до 1940-го года, где поставил большое количество спектаклей. В начале 70-х на встрече с представителями тбилисской театральной общественности Георгием Александровичем Товстоноговым сказал: «Мизансценированию я научился у великого режиссера Маршака».

Кинодраматург и публицист Анатолий Гребнев еще школьником стал главным редактором многоотиражки «Дети Октября», газеты, созданной в Русском ТЮЗе в 30-е годы...

В театре работал Энвер Бейбутов – старший брат знаменитого певца Рашида Бейбутова, многолетний главный режиссер Ростовского театра, а затем – русского драматического театра в Баку; работал молодой Рафик Экимян – будущий директор Московского драматического театра имени К.С. Станиславского и впоследствии

В примерке

Один из женских образов Евгения Лебедева

многолетний директор Московского театра Ленком.

Юный Булат Окуджава начинал свою трудовую деятельность рабочим сцены в Русском ТЮЗе. Через много лет, уже известным поэтом, находясь в Днепропетровске, он с юмором рассказывал сотрудникам Московского областного ТЮЗа, который там гастролировал, о своей работе монтировщиком в Русском ТЮЗе: «Лебедев меня тогда на дух не замечал. Но зато потом, в своих мемуарах, он все-таки написал, что работал в тбилисском ТЮЗе, в котором рабочим сцены был я».

После выхода на экраны фильма «Дом, в котором я живу» зрителям с гордостью показывали место, которое по абонементу когда-то принадлежало мальчику Леве Кулиджанову, бывшему «активисту школьников при ТЮЗе».

Говорили, что и Марлен Хуциев был частым посетителем тюзовских спектаклей, и Евгений Примаков...

Начинающий артист Евгений Лебедев приехал, когда ТЮЗ был на взлете. Великолепные артисты составляли эту уникальную труппу: потрясающие актрисы-травести Ч. Кирова, М. Бубутеишвили и З. Лаврова;

С Георгием Товстоноговым

герои-любовники по амплу, разные, каждый со своей особенностью и манерой, красавцы-мужчины Ю. Новиков, Г. Чодришвили, В. Урусов; комики, «злодеи», характерные, простакки – А. Юдин, К. Ефимов, Н. Глобенко, О. Орел; артисты на роли трогательного, слабого, забитого жизнью «маленького человека» – П. Нерясов, П. Штогрин, А. Барсанова; «светская львица» Т. Папиташвили; социальный герой – Л. Романов; наконец, А.Н. Энгельгардт – потомственный дворянин, из старинного знаменитого рода Энгельгардтов, один из которых был директором Царскосельского лицея, спасал А.С. Пушкина от ссылки и которому принадлежит крылатая фраза: «Не смерть страшна, а страшно бесчестие».

Во многих спектаклях партнершей Лебедева была Ольга Беленко, первая актриса театра, обладающая поразительной многогранностью сценического дарования («Бедность – не по-

рок»: Митя и Любовь Гордеевна; «Свои люди – сочтемся»: Подхалюзин и Липочка; «Слуга двух господ»: Труфальдино и Смеральдина). Позднее ее звал к себе в Ленинград Г.А. Товстоногов. Лебедев поехал, а она отказалась. Невероятно скромная в жизни, скорее всего, испугалась.

Женой Евгения Лебедева стала актриса, красавица Катя Агаларова, которую все называли Малышкой. Наполовину азербайджанка, наполовину грузинка, с удлинненным разрезом глаз она была похожа на восточную миниатюру. При этом она еще и пела! Красивым теплым сопрано. Вначале молодая семья жила на тогдашней Татьяновской улице в комнате, которую им сдавала мама Гоги Товстоногова. Фактически это был просто замкнутый угловой «кусочек» длинного тбилисского балкона, который шел вдоль всего дома. Позже Лебедев и Агаларова

жили в тюзовском общежитии в трехэтажном здании бывшего склада декораций с комнатками-пеналами по пять на этаже, с печным отоплением, общей кухней и туалетом. Дом «в стиле ранний Вайсерманс», шутили артисты, причудливо соединяю слово Ренессанс и фамилию директора театра Вайсермана. О, это знаменитое общежитие Русского ТЮЗа во дворе Дома железнодорожников на проспекте Плеханова N127! На третий этаж, где жили первые актеры труппы (Урусов, Беленко, Лебедев с Агаларовой, Энгельгардт), вела пристроенная снаружи гремещая металлическая лестница; ступеньки были с дырками в виде кружочков и линий, перила слегка поддерживались редкими металлическими подпорками. Лестница была вся какая-то прозрачная, почти воздушная. Она возвышалась и над Домом железнодорожников, и над Плехановским проспектом с его платанами в три обхвата и казалась лестницей в небо.

Очень скоро Евгений Лебедев стал одним из ведущих актеров театра. Он сыграл Митю в пьесе «Бедность не порок», Подхалюзина в пьесе «Свои люди – сочтемся», Бабу-Ягу в «Василисе Прекрасной», Труфальдино в «Слуге двух господ», Павку Корчагина в спектакле «Как закалялась сталь», Сережу Тюленина в «Молодой гвардии» и молодого Сталина в спектакле «Побег» (позже, в 1949 году, в первом спектакле Г.А. Товстоногова в ленинградском Ленкоме «Из искры...» за исполнение роли Сталина Е.Лебедев получит Сталинскую премию I степени).

Во время войны и в первые послевоенные годы бригада тюзовцев много ездила по госпиталям с концертами. С участием Лебедева были сцена с Липочкой из «Своих людей...» и мимическаяценка «Рыболов».

Похоже, что именно здесь, в Русском ТЮЗе, сформировалась особая актерская индивидуальность Лебедева, и были намечены основные темы его творчества. Представляется, что в актерской природе Лебедева была заложена некоторая физиологичность исполнения:

он играл как бы чуть-чуть «над реализмом»; можно использовать и общепринятую формулировку – сюрреализм, как ни покажется неожиданным этот термин применительно к игре драматического актера. В эти первые девять лет работы в театре он проявил себя как характерный артист, склонный к эксцентризму, владеющий редким жанром гротескной игры в сочетании с тонким психологизмом. В нем непостижимым образом блистательно слились два направления русской театральной школы – школа представления, эксцентриада, яркая определенность формы и глубокое переживание, сердечный

душевный надрыв, «жизнь человеческого духа», по определению К.С. Станиславского.

К сожалению, почти не осталось людей, которые видели этот ранний, самый ранний период актерского творчества Евгения Лебедева. Воспоминания обрывочны, не полны, но и по ним все-таки можно составить некоторое представление о том, как это было. Мне рассказали о мизансценах в «Молодой гвардии», которые навсегда врезались в память одному «юному зрителю», видевшему спектакль более 60-ти лет назад. На авансцене Сережа Тюленин (Е. Лебедев) прикалывал на спину проходящему

Холстомер в «Истории лошади»

«Сикимоку». 1993

полицая (Г. Барановский) листовку с текстом типа «Я – предатель» или что-то в этом роде. Делалось это очень ловко и неизменно срывало аплодисменты. Кончался спектакль очень выразительной «скульптурной» композицией – памятником героям. Это впечатляло: Любка Шевцова – О. Беленко, Олег Кошевой – В. Урусов, Иван Земнухов – М. Минеев, Ульяна Громова – Т. Щекин-Кротова, Сергей Тюленин – Е. Лебедев.

В спектакле «Слуга двух господ» была сцена, когда Труфальдино пытается приклеить чужое распечатанное письмо мякишем хлеба и непроизвольно проглатывает его, и не один раз! (Не следует забывать, что происходит это в самые голодные годы). Настоящий концертный номер, собиравший у верхнего окошка тюзовского закулисья, откуда актеры обычно наблюдали ход спектакля, толпу. Более поздний общеизвестный аналог – лебедевский шедевр в «Энергичных людях» В. Шукшина.

Бабу-Ягу Лебедева мне посчастливилось видеть несколько раз, правда, уже в поздние годы и только в концертном исполнении. На наших глазах Лебедев вдруг превращался в

Запоминающийся образ Евгения Лебедева

томную и кокетничающую старуху, которая время от времени вскидывала острые глазки, чтобы проверить, какое впечатление она произвела. Лебедев демонстрировал чудеса актерской техники и полного владения своим телом, лицом, каждой его мышцей: одна сторона дергалась, другая была спокойна; правый глаз плакал, левый смотрел весело; смена выражений происходила в секунды. Казалось, такого не бывает, просто не может быть, невозможно!

Иногда в статьях встречается ошибочное утверждение, что концертное исполнение Лебедевым роли Бабы-Яги ведет свое начало от Ведьмы в спектакле «Аленький цветочек» в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола. Здесь мы снова встречаемся с тем, что актер Лебедев стал широко известен в более поздний период. На самом деле и Ведьма в «Аленьком цветочке», и знаменитый концертный номер восходят к спектаклю, который считался «золотым фондом» Русского ТЮЗа и шел многие годы, – «Василиса Прекрас-

ная», поставленная А. Гинзбургом в 1941 году. По рассказам очевидцев, на сцене стояло огромное дерево, из дупла которого была выдвинута доска. По ней с диким визгом и громким гиканьем съезжала лебедевская Баба-Яга с длинным острым носом и живыми точками – глазами. Театральный костюм был скроен из множества лоскутов, по отдельности прикрепленных друг к другу. Эти подвижные шевелящиеся лохмотья создавали особый эффект. Казалось, что нет отдельно тела и отдельно одежды, а вот эта вся шевелящаяся материя, ветошь, которая зыбко поднималась и клочкообразно опала, казалось, это и есть само тело этой сказочной страшной и веселой старухи.

В «Золотом ключике» Лебедев играл пуделя Артемона. Судя по тому, как еще три десятилетия спустя сами артисты вспоминали спектакль и пуделя Артемона, это была выдающаяся работа. Спектакль ставил сам Маршак. Как всегда, он вчувствовался в авторский мир писателя, проникся его миро-

ощущением, его юмором, его особой стилистикой. Артисты рассказывали, что иногда создавалось впечатление, что он почти идентифицировал себя с автором, чуть ли не считал себя Алексеем Толстым. Работая с артистами, он часто говорил: «А вот мы с Алексеем Толстым думаем так...» И не всегда было понятно, шутит он или говорит всерьез.

Но так же ощущали себя и актеры, «вживаясь» в тех, кого играли. И, конечно, среди всех выделялся Лебедев, в котором острая эксцентрика, гротеск всегда соединялись с глубоким проникновением в сущность образа. Как-то на одной из репетиций он, уже совершенно ощущая себя пуделем Артемоном, подошел к столбику на сцене и по-собачьи поднял ногу. Рассказывали, что сам он даже и не сразу понял, почему раздался такой гомерический хохот всех, кто увидел эту сценку.

Как-то Евгений Лебедев привел на репетицию маленькую девушку в морской форме. Это была его сестра, которая приехала из госпиталя после тяжелой контузии, полученной во время боев за Керчь. Неожиданно в середине репетиции она вдруг вскочила и взволнованно прокричала примерно следующее: «Я не понимаю! Идет война! Может, именно сейчас кто-то гибнет, жизни не жалеет ради победы, а вы сказочками занимаетесь! Там пули свистят, а тут мой брат собаку изображает!»

На Лебедева это произвело огромное впечатление. Он ушел на фронт добровольцем и оказался в той части, которая дислоцировалась в Керчи. Директору К.Н. Вайсерману пришлось приложить много усилий, чтобы убедить военное начальство в том, что этот артист совершенно необходим ТЮЗу. Константин Николаевич лично поехал за Лебедевым и увез его из Керчи буквально накануне одного из самых страшных сражений, где погибли почти все. Вайсерман сделал «броню от фронта» еще несколькими талантливыми артистам. Многие поколения юных зрителей навсегда запомнили этого замечательного человека. Когда заканчивался спектакль, и в последний раз

С супругой Нателой Товстоноговой

задвигался золотисто-солнечный занавес, на сцену выходил директор К.Н. Вайсерман. Он, как дирижер, взмахивал рукой, из оркестровой ямы раздавался бодрый марш, и, начиная с первого ряда, цепочкой – один за другим – юные зрители покидали зал. Это торжественное «шествие» детей под музыку через весь зал позволяло избежать толкучки и суматохи в раздевалке («Театр начинается с вешалки») и придавало самому посещению театра вкус значительности и особой праздничности.

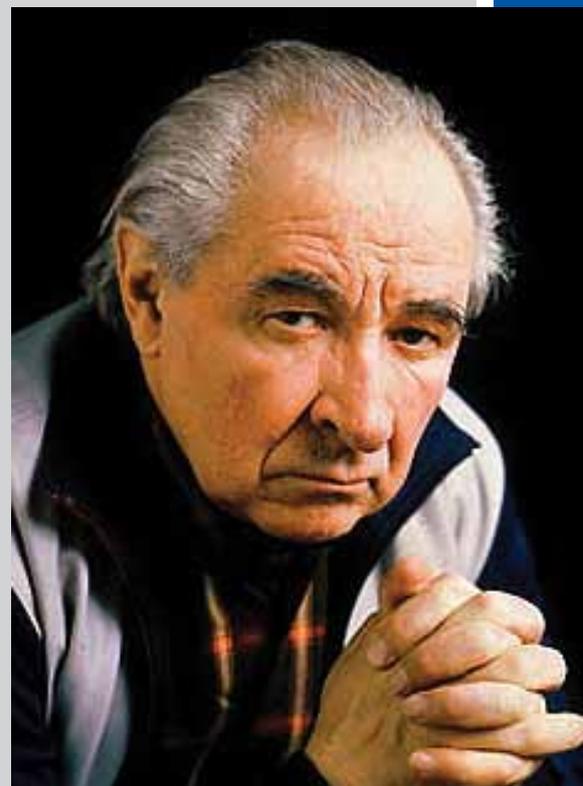
Война закончилась, Лебедев так сильно был увлечен работой в ТЮЗе, что, получив письмо от А.Я. Таирова с предложением работы в Камерном театре, просто не ответил на него. Но вскоре он начал тосковать по России. «Меня не отпускали, – рассказывал Евгений Алексеевич. – Ждали, когда я успокоюсь, смирюсь, привыкну. А я не успокаивался, не смирялся, я тосковал, бунтовал, просил

привезти земли русской... Мне ее привезли... в спичечной коробке... из Москвы... Я хранил ее у себя в гримерной». В 1949 году он все же вырвался в Москву и некоторое время работал в Театре Промкооперации. В том же 1949 году, по приглашению Георгия Товстоногова, возглавившего Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, Лебедев уехал в Ленинград. Вместе с Георгием Товстоноговым в Ленинград переехала и его сестра Натела. Она была на десять лет младше Евгения Лебедева, и если в Тбилиси молодой артист никакого внимания не обращал на школьницу, то сейчас он не мог не отметить ее статью и красоту. В 1950 году они поженились.

Всякий раз, бывая в Тбилиси, став знаменитым, всемирно известным артистом, Лебедев обязательно находил время встретиться с тюзовцами и, по рассказам участников этих встреч, они всегда были радостными, наполненными воспоминаниями и юмором.

Веселый возглас при встрече: «Оля! Ты прекрасно выглядишь! Такая же! Ну ни капельки не изменилась!» Моментальная реплика в ответ: «Не хочешь ли ты сказать, что я так выглядела в мои 25 лет?!» И общий счастливый хохот.

Сердечность и душевная мягкость оставались главными чертами личности Евгения Алексеевича. В 1956 году в Ленинграде он очень тепло приветил мальчишку – бывшего соседа по тбилисскому актерскому общежитию, сына своих коллег О. Беленко и Ю. Новикова, ока-

Евгений Лебедев

завшегося далеко от дома, в период его учебы в Нахимовском училище.

Понимая мимолетность и незакрепленность профессии театрального актера, Евгений Лебедев задумывался о том, запомнят ли люди его творчество. Он писал: «Пересматриваешь старые фотографии, свидетели прожитых лет... Если бы не моя профессия, их могло бы и не быть. У артиста только и остается, что фотографии.

Да память! Память тех, кто видел тебя и запомнил...»

Красное знамя над освобожденным Краснодаром

ЗВЕЗДНЫЙ СЛЕД КОНСТАНТИНА ГЕГЕЛАШВИЛИ

■ **Борис ШАХНАЗАРОВ**

...Окончена школа. Широкая дорога в жизнь открывалась перед выпускниками. Цеха заводов и фабрик, башенные краны строек, институтские аудитории ждали молодежь. Кажалось, им дано все – дерзай, твори, мечтай. Но в годы Великой Отечественной войны их жизнь сложилась иначе. И как-то взрослее стали эти худенькие, вчера еще беспаспортные мальчишки и девчонки.

Детство Котика Гегелашвили проходило в Тбилиси на тихой, утопающей в платанах улице Камо. Со своими сверстниками гонял голубей, играл на пустыре тряпичным мячом в футбол. Но,

пожалуй, больше всего его внимание привлекал обыкновенный радиоприемник. Так и хотелось узнать, от чего загораются лампы, как за тысячу километров раздаются голоса далеких городов. И однажды не выдержал – дома разобрал радиоприемник. Собрать оказалось труднее. Пришлось порыться в специальной литературе. Вот тогда-то и обуюла его мечта податься в радиолюбители. Прошло чуть больше года. Ученик 5-го класса 41-й тбилисской средней школы, член радиокружка Центральной детской технической станции Константин Гегелашвили сконструировал трехлампо-

вый радиоприемник РФ6 по схеме из журнала «Радио-фронт» и присоединил к нему ультракоротковолновую передвижку. О работе юного конструктора писали газеты, показывали в кинохронике. Фото подростка за сборкой радиоприемника 23 ноября 1937 года было опубликовано в республиканской газете «Заря Востока». Автор этого довоенного снимка Михаил Квирикашвили, тогда начинающий, а впоследствии известный фоторепортер Грузии. Талантливого радиолюбителя премировали поездкой в Ленинград.

Заинтересовался он и автомобилями. И вскоре получил права водителя. Такова уж была его натура: увлекся – изучи досконально.

...Октябрь 1942 года. 18-летний уроженец Тбилиси после трехмесячной военной подготовки прибыл в распоряжение Северо-Кавказского фронта и был направлен в стрелковый полк. Однополчане полюбили его не только за смелость и отвагу в боях, но и за неугомон-

К. Гегелашвили за работой над радиоприемником. Тбилиси. Ноябрь 1937

ный характер. Он остался верен себе: в редкие часы отдыха отремонтировал поврежденный радиоприемник, найденный во вражеском блиндаже. Радиоволны доносили с фронтов оперативные сводки военных корреспондентов. Тревожные вести поступали из Ленинграда, где линия фронта проходила всего в нескольких километрах от города, который оказался блокированным с суши и моря. Гегелашвили переживал за северную столицу, был уверен, что гитлеровские захватчики не смогут сломить защитников Ленинграда, мечтал после войны побывать в городе на Неве.

19 ноября 1942 года началось мощное контрнаступление советских войск под Сталинградом. Смерч огня и стали был обрушен на позиции агрессора. К концу декабря 1942 г. обстановка в районе Волги и Дона изменилась: крупная вражеская группировка, зажатая в железные тиски, 2 февраля 1943 г. была полностью ликвидирована. После победы на Волге в битве

за Кавказ наступил перелом. В начале января 1943 г. противник, почувствовав угрозу окружения, стал отводить главные силы 1-й танковой армии. Северо-Кавказскому фронту была поставлена задача: не позднее 10-12 февраля окружить краснодарскую группировку врага и уничтожить ее.

На краснодарском направлении, где сражался Гегелашвили, неприятель ожесточенно сопротивлялся. Особенно напряженные бои развернулись в 10 км. южнее Краснодара за населенный пункт Шенджий, где оккупанты создали сильный узел сопротивления. Но уже ничто не могло сдержать натиск наших воинов. Благодаря их стремительности и смелости немецкий гарнизон в населенном пункте был разгромлен.

Освободив поселок, наши войска уверенно продвигались вперед и после форсирования реки Кубань ворвались на южную окраину Краснодара. 12 февраля 1943 года в результате решительной атаки Краснодар –

сердце Кубани, город казачьей славы – был полностью очищен от оккупантов.

В напряженных боях многие воины, отличившиеся высоким мужеством и железной стойкостью, среди них гвардии рядовой Гегелашвили К.А., пали смертью храбрых. ...В почтовый ящик тбилисского

Перед войной

В бою

дома №91 по улице Камо почтальон опустил письмо с фронта, адресованное матери солдата Гегелашвили-Васильевой В.В. «Уважаемая Виктория Владимировна, ваш сын Константин Гегелашвили, павший в бою на Кавказе в 1943 году, представлен к ордену Красной Звезды, – пишет командир части, – гордитесь вашим сыном, он показал себя героем».

Тяжело переживал утрату Кости его ближайший друг Ираклий Кандарели. Их дружба зародилась в детском саду, продолжилась в средней школе, прошла испытание временем. Ираклий Леванович тоже сражался на Кавказе. В составе отряда курсантов 1-го Тбилисского военно-пехотного училища освобождал перевал Санчаро, абхазское село Псху, участвовал в боях на Украине, в Польше, Чехословакии, где и закончил боевой путь. Кавалер орденов Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, других боевых наград, в Гори он впервые в Закавказье организовал уникальный Музей боевой славы и дружбы

народов.

По инициативе Кандарели была создана группа из одноклассников для поиска места захоронения Гегелашвили. В те годы в группу вошли доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Грузинского технического университета Сергей Надирашвили и тбилисец Владимир Родионов, который перебрался в Краснодар к своим родственникам.

На запрос, отправленный в Подольск, Центральный архив министерства обороны РФ сообщил, что не располагает местом захоронения героя Отечественной войны. Пришлось обратиться к местным жителям, юным следопытам Краснодара. Настойчивые поиски привели в поселок Калинино, что под Краснодаром. Учащиеся местной школы сообщили место, где покоятся останки героя.

К 50-й годовщине Дня Победы останки 18-и воинов, среди которых Гегелашвили К.А., с воинскими почестями были перезахоронены в одном из парков Краснодара. На братской

могиле воздвигнут памятник.

Сегодня защитник Кавказа перешагнул бы без малого 100-летний рубеж, но в юношеском возрасте судьба сделала его доблестным солдатом великой армии освободителей. 23 февраля 2020 года телеканал «Россия 24» совместно с Управлением министерства обороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества приступил к реализации эфирного проекта «Помним каждого», посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Спустя 6 дней, 29-го февраля, на цифровой доске памяти была указана фамилия Гегелашвили К.А. Для моей супруги Иветты Шахназаровой, которая смотрела эту передачу, Гегелашвили Константин Александрович – дядя, родной брат ее мамы Гегелашвили Маргариты Александровны.

Спасибо телеканалу «Россия 24», который еще раз напомнил нам, какой дорогой ценой досталась Великая Победа над фашизмом.

Александр Гангеблдзе

О ДЕКАБРИСТЕ ГАНГЕБЛИДЗЕ

Ирина ДЗУЦОВА

14 декабря 1825 года в Петербурге на Сенатскую площадь вышли декабристы. Их целью было истребление царствующей фамилии и установление народовластия. Руководителями и активными участниками восстания были С. Волконский, С. Трубецкой, Н. Муравьев, П. Каховский, П. Пестель, К. Рылеев, В. Кюхельбекер и многие другие. История донесла до нас и имя грузинского дворянина Александра Семеновича Гангеблдзе (Гангеблова), единственного грузина-декабриста. В 1888 г. он издал книгу «Воспоминания декабриста» – в назидание молодому поколению. Свое участие в восстании Гангеблдзе объяснял заблуждениями молодости.

А.С. Гангеблдзе родился в 1801 г. в с. Генеральское (на территории нынешней Украины) в семье дворянина Семена Георгиевича Гангеблдзе и Екатерины Спиридоновны Манвеловой. Дед будущего декабриста служил в 1740 г. в грузинском гусарском полку, владел землями и крестьянами в селе Остапов Полтавской губернии. Смелый воин пал в бою в чине майора. Вдова его, бабушка Гангеблдзе, переселилась в Петербург, и умерла здесь же в 1814 г. Она была последней в роду, говорившей по-грузински. Семен Георгиевич, ярый монархист, командовал Двенадцатым егерским полком, участвовал во многих военных кампаниях,

участвовал в Отечественной войне 1812 г. В 1827 г. он умер в чине генерал-майора.

До 1813 г. Александр Семенович учился в Одессе, в пансионе Вольсея, впоследствии преобразованном в Ришельевский институт. В 1814 г. в награду за храбрость и верную службу император Александр I определил одного из сыновей Семена Георгиевича, Александра, в Пажеский корпус. Так начался жизненный путь Гангеблдзе. В Пажеском корпусе он изучал фортификацию, черчение, артиллерийское дело, русскую литературу, французский язык. Казенщина, муштра, недовольство нижних чинов породили среди кадетов мятежные настроения, «зацепивших» и юного Гангеблдзе. В 1820 г. он становится камер-пажем. На этом его военная карьера закончилась.

Первое знакомство с декабристами Гангеблдзе относил к апрелю 1825 г., в период службы во внутреннем карауле Зимнего дворца. Тогда он сблизился с офицером из другого караула П.Н. Свистуновым, которого знал еще по Пажескому корпусу. Свистунов сообщил ему, что является членом тайного общества и предложил вступить в это общество. Гангеблдзе не раздумывая согласился. Почему? Его удручала неограниченная власть помещиков, бедственное состояние крестьян, необразованность духовенства, корысто-

На Сенатской площади

любие гражданских чиновников. По рассказу Гангеблидзе, в решении присоединиться к инакомыслящим сыграло роль его знакомство с М.Д. Лаппой, членом тайного общества, о цели которого – «истребление предержавной власти» – Гангеблидзе якобы не знал (из пока-

Николай I

заний Следственной комиссии).

И в показаниях, и в своих мемуарах Гангеблидзе представлял себя малоосведомленным, пассивным членом тайного общества. В своих записках он приводит рассказ о личном допросе его Николаем I. Император говорил с ним ласково, упоминал фамилии некоторых декабристов, но, как пишет Гангеблидзе в своих «Воспоминаниях», психологические маневры монарха не поколебали его спокойствия и не привели в смущение. И даже когда выведенный из терпения Николай I сказал ему: «В последний раз спрашиваю, кому вы дали слово?» – Гангеблидзе отвечал: «Ваше Величество, я ни в чем не виноват». Разгневанный император велел посадить Гангеблидзе в карцер.

Судя по показаниям 1832 г. и мемуарам, написанным им в 80-летнем возрасте, Гангеблидзе сумел остаться нераскрытым, но почти за каждой строчкой автора «Воспоминаний» читается подтекст, делающий тайное явным. 14 декабря 1825 г. полк Гангеблидзе находился в Петергофе. В ночь на 15 декабря полку было приказано идти к Петербургу, но с полдороги его вернули. 23 декабря не-

ожиданно для Гангеблидзе его арестовали, посадили в Кронштадтскую крепость, затем в Петропавловскую. Гангеблидзе решил дать признательные показания, чтобы спастись. «Пора покончить с нечестным прошлым, пора отрешиться от законов каст и партии и отдать всего себя на благо общее, пора выставить на свет и самые следы подпольной работы, подрывающей русское общество... Я не делал тайного доноса, а я открыто укажу на крамолу верховному судилищу для ее искоренения» («Воспоминания», стр. 95). Гангеблидзе сознался в том, что его прежние показания были ложны, и что он якобы предполагал другую цель у бунтовщиков: решение вопроса, кому царствовать в России. Воспоминания Гангеблидзе о бунте в Пажеском корпусе в 1820 г. утверждают в мысли, что к декабризму Гангеблидзе пришел не в 1825 г., а гораздо раньше.

Гангеблидзе был объявлен приговор: трехмесячное заключение в каземате с 13 июля 1826 г. (день расправы над декабристами). 13 октября его освободили. Пробыв в Петербурге полтора дня, Гангеблидзе через Воронеж выехал на Кавказ. Во

Александр Пушкин

Владикавказе Гангеблидзе находился под надзором коменданта крепости. Вскоре он получил бумагу о новом назначении в качестве прикомандированного в Кабардинский пехотный полк, который направлялся в Персию. В «Воспоминаниях» Гангеблидзе оставил интересное описание Владикавказской крепости, обычаев и нравов местных жителей.

Спустя 8 месяцев Гангеблидзе в составе полка прибыл в Эривань и при осаде города по его же просьбе был переведен в те траншеи, где находились декабристы. После взятия Эривани полк направился дальше «для занятия разных стратегических пунктов».

Гангеблидзе описывает некоторые подробности русско-турецкой войны 1828-1829 гг., кавказских войн, описывает взятие Ахалцихе. Он также вспоминает А.С. Пушкина, участвовавшего в кампании 1829 г., который даже в битвах был неразлучен со своим другом, генералом А.Н. Раевским. Как-то Раевский с кавалерией преследовали турок. «Мы увидели скачущего к нам во весь опор всадника: это был Пушкин в кургузом пиджаке

и маленьком цилиндре на голове. Осадив лошадь, в двух-трех шагах от Паскевича, он снял шляпу, передал ему несколько слов от Раевского и, получив ответ, опять понесся к Раевскому. Во время пребывания в отряде Пушкин держал себя серьезно, избегая новых встреч, и сходил только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым».

В Арзруме Гангеблидзе встретился со многими декабристами из разных полков, в том числе с сослуживцами по Пажескому корпусу А. Бестужевым и В. Голицыным. Голицын упрекал Гангеблидзе за его поведение в Следственной комиссии по отношению к А. Бестужеву. Гангеблидзе рассказал и объяснил

Е. Мусин-Пушкин... Они часто встречались, беседовали и, как писал Гангеблидзе, «вечера эти были подобием «Вторников» Искрицкого в Петербурге», пытался говорить о делах минувших, но молчаливый и задумчивый Бестужев на захотел говорить на эту тему. Через несколько дней Бестужев был арестован и посажен в тюрьму «Метехи» в Тифлисе. Окруженный жандармами Бестужев обратился к Гангеблидзе: «Меня везут в Дербент, мне только на минутку позволили зайти на мою квартиру». Других декабристов также разослали из Тифлиса по разным направлениям. Гангеблидзе получил перевод к генералу И.Ф. Паскевичу в ординарцы.

В 1832 г. здоровье Гангеблидзе резко ухудшилось. Ему

А.С. Пушкин. Автопортрет с пикой

все, что с ним произошло. На следующий день он навестил Бестужева. Тот принял Гангеблидзе «как нельзя лучше».

За участие в русско-персидской (1826-1828) и русско-турецкой войнах Гангеблидзе, как и другие отличившиеся декабристы (М. Миклашевский, Д. Искрицкий, М. Пущин, И. Бурцев), был награжден орденом.

Весь 1830 год Гангеблидзе находился в Тифлисе, где под разными законными и незаконными предложениями жили несколько декабристов: Н. Бестужев, М. Пущин, Н. Оржицкий,

разрешили уйти в отставку. Он вернулся в Россию, в Верхнеднепровский уезд, через Крым. В 1840-1880 гг. Гангеблидзе жил в г. Верхнеднепровске Екатеринославской губернии. Умер он в 1891 году и похоронен в селе Богодаровка.

Жизнь Гангеблидзе вообрала в себя немало противоречий. В ней были тревога, надежда и предчувствие. Жизнь его оказалась забытой, но ее драматичность, отмеченная поисками духовного опыта, — интересный урок для последующих поколений.

Тбилиси. Дом правительства

ПРО РЕКЛАМУ И НАГЛЯДНУЮ АГИТАЦИЮ НЕВЫДУМАННЫЕ ЛЕГЕНДЫ

■ Владимир ГОЛОВИН

В Советском Союзе о билбордах и баннерах с пиаром и промоушеном ничего не знали. То есть они были, но звались рекламными щитами. На которых была еще и наглядная агитация, а именно – свежие мысли о том, что Ленин с нами, партия – наш рулевой, экономика должна быть экономной, профсоюзы – школа коммунизма и т.д. и т.п. Подобные «неоспоримые истины» красовались также на фасадах и крышах зданий, став обязательной частью оформления каждого города страны. И лишь Тбилиси встречал своих гостей лозунгом, от которого сладко замирали и глотали слюну при выходе с вокзала все, приехавшие в грузинскую столицу поездом. Потому что десятки лет парило над Вокзальной площадью, а ночью светилось неоновыми буквами утверждение, не подвергающееся в народных массах сомнению: «Пиво полезно и питательно!» И никаких тебе школ коммунизма.

Свой вклад во всесоюзные лозунги Грузия внесла и в первой половине 1960-х годов – уже отдельными рекламными щитами на выезде из Тбилиси по Военно-Грузинской дороге. Примерно на полдороге к Мцхета красовался любимый лозунг Никиты Хрущева: «Догоним и перегоним Америку!». Вообще-то советский руководитель уточнял этот дерзкий призыв: «по производству мяса, молока и яиц!». Однако на плакатах стали ставить сообщение о том, что «Америка находится на краю пропасти», и стремление перегнать ее

в этой ситуации стало выглядеть весьма сомнительным. Но республиканская Госавтоинспекция органически развила эту животрепещущую тему, через пару сотен метров после хрущевского призыва разместив суровое предупреждение: «Не уверен – не обгоняй!»

Многие годы радовал своей непосредственностью размещаемый повсюду призыв: «Летайте самолетами Аэрофлота!» Как будто у кого-нибудь была возможность пользоваться альтернативными услугами «Люфтганзы» или «Эр-Франс»... Столь же безыскусно-непосредственны были и, так сказать, ведомственные призывы, кое-где оставшиеся еще с 1940-х. Так, на задворках ПВРЗ (Паровозо-ремонтного завода) ветшал плакат с указанием истинного места слабого пола: «Женщина, на паровоз!». А в глухих коридорах некоторых периферийных поликлиник сохранились старые призывы типа «Наши дети не должны болеть поносами!» (только наши, а остальные, значит, пусть обкакаются?)

Были еще и замечательные призывы, которые помнят, пожалуй, только сололакские старожилы. Это сейчас на улице Чайковского в нескольких десятках метров от Госканцелярии висят медленно разбираемые остатки уродливого остова постройки, заложенной еще в 1980-х. А в середине прошлого века здесь была огромная территория тбилисской пожарной команды №1. Она венчалась дореволюционной каланчой и обрамлялась увешанными бельем балконами, по которым носилось не одно поколение детей профессиональных пожарных. И висели вдоль этих балконов гигантские чудо-транспаранты. Причем посвящены они были не повышению огнеборческого мастерства, а укреплению дисциплины.

Три из них были взяты из сборника 1945 года «Военные пословицы русского народа». «Изящно» зарифмованные, они вызвали желание немедленно и добровольно отправиться строевым шагом на гауптвахту: «Ленивому бойцу погони

не к лицу!», «Служи по уставу – завоеешь честь и славу!», «Сумел провиниться – сумей и повиниться!». Четвертый лозунг – в прозе – заставлял задуматься о причастности к пожарному делу одного прославившегося в литературе врача: «В человеке все должно быть прекрасно! А.Чехов». На фоне этих философско-бравых призывов пожарные или разгоняли футболом сон, или мыли после схваток с пламенем свои замечательные красные машины. А все прохожие, поднимающиеся к станции фуникулера, с большим интересом знакомились с интеллектуальными деталями их быта.

Совмещение с действительностью наглядной агитации, призванной показать величие Ленина, чуть не довело до инфаркта директора Фотохроники информационного агентства Грузинформ.

Произошло это во время третьего и последнего визита в Тбилиси престарелого генсека Брежнева Л.И. — на 60-летие советской власти в Грузии в 1981 году. Круглосуточно дежурившим по этому поводу в редакции корреспондентам далеко за полночь было видение: из лифта с остекленевшими глазами вылетел почтенный фоторуководитель и, пытаясь изобразить руками размеры чего-то, с юношеской прытью пролетел в лабораторию. Как заведенный, повторяя странную фразу: «Амхела Ленини — амхела Брежневи... Амхела Брежневи — амхела Ленини... Вай!» («Вот такой Ленин — вот такой Брежнев... Вот такой Брежнев — вот такой Ленин...»)

Подоспевшие за ним рядовые фоторепортеры посоветовали обалдевшим дежурным не «скорую» вызывать, а отыскать... несколько ножниц. А все дело в том, что центр торжеств был на площади перед Дворцом спорта. И декорации напротив крытой арены создали небывалые. Угловой хлебный магазин за пару ночей превратился в медпункт с последними достижениями реанимационной науки (для Леонида Ильича, на всякий случай). А перед ним поднялась правительственная трибуна с персональным лифтом (для него же), увенчанная гигантской головой Владимира Ильича. Если вспомнить картинку о схватке пушкинского Руслана со злобной Головой, то Ленин возвышался над трибуной в несколько раз выше, чем сказочное чудовище над своим противником.

А из Центрального Комитета ночью поступила команда: на снимке должны быть отчетливо видны и еле живой Ильич с окружением, и вечно живой Ильич над ними. Вся, как теперь говорят, фишка была в том, что партийные боссы выглядели пятнышками под Лениным, а если их изображение увеличить, то из поля зрения исчезал вечно живой. Сейчас бы вопрос решился парой

операций на компьютере, но почти 40 лет назад нынешняя техника фотоаппаратам и не снилась. Поэтому асы «пентаксов» и «никонов», напив валерьянкой своего начальника, вооружились ножницами, отпечатали с десятка снимков различных масштабов и принялись кроить из них фотомонтаж. В ужасной спешке, потому что чудо-фотографию ждали в газетных типографиях, боявшихся не успеть отпечатать тиражи. Успели вовремя. Наутро из ЦК даже «спасибо» не сказали, а шефу фоторепортеров все это обошлось сердечным приступом.

Впрочем, подобные декорации и немало веселили почтенную тбилисскую публику. Одно из первомайских торжеств в конце 1970-х годов решило украсить оригинальными портретами членов Политбюро ЦК КПСС на Доме правительства (ныне — здание Парламента). Их нанесли на гигантские, вертикально установленные жалюзи. И когда пластины вращались, один портрет сменялся другим. Нечто подобное сейчас используется в рекламных щитах вдоль футбольного поля.

На многочисленных репетициях все шло великолепно, но хитрый механизм все-таки заклинило, причем в момент наибольшего сбора благодарных зрителей. В самый разгар праздничного действия картинка, повернувшись не полностью, застыла. И восхищенные колонны демонстрантов даже начали притормаживать перед трибуной, чтобы сполна наглядеться на портреты, достойные сюрреализма Дали, — половина лица маршала Устинова принадлежала казахстанскому руководителю Кунаеву, а худой идеолог Суслов оригинально разбавлялся плотным украинцем Щербицким...

Так что в любой нелепости, сляпанной с самыми серьезными намерениями, всегда можно найти что-то не только спорное, но и веселящее. Неоспорима только истина о том, что пиво полезно и питательно.

Куршавель

В ВОДОВОРОТЕ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»: ЗИССЕРМАНЫ

■ **Константин ЗИССЕРМАН**
Нинель МЕЛКАДЗЕ

Под обаянием кавказских повестей и рассказов А.А. Марлинского семнадцатилетний Арнольд Львович Зиссерман (1824-1897) решил «бросить все и лететь на Кавказ». С начала сороковых годов следующие четверть века своей жизни он провел на Кавказе: принимал участие в его гражданском обустройстве; был свидетелем образования научных обществ, становления культурно-просветительских институтов и попыток европеизации высшего общества на Кавказе; активно участвуя в кавказской войне, дослужился до полковника кавалерии. Арнольд Львович сумел документировать исторические события, чем снискал славу военного историка, историкографа, мемуариста, летописца Кавказа. Благодаря информационной насыщенности и достоверности изложения описываемых событий труды Арнольда Львовича получили признание научной общественности как уникальный источник сведе-

ний о Кавказе и прекрасный материал для изучения различных аспектов истории и культуры его народов.

Эта статья посвящена светлой памяти потомков Арнольда Львовича Зиссермана, которые самоотверженно защищали свою отчизну на фронтах Первой мировой войны, находились в пекле Гражданской войны – переломной эпохи в истории отечества, положили жизни на алтарь Победы во Второй мировой войне. Потомки Арнольда Львовича это его племянник генерал-майор Иван Карлович Зиссерман, член-делопроизводитель Кутаисского губернского по крестьянским делам присутствия, участник Первой мировой и Гражданской войн. Скончался в эмиграции в Египте, незадолго до начала Второй мировой войны. Похоронен на греческом православном кладбище Шетби в Александрии. Один из детей Ивана Карловича – Петр Иванович Зиссерман (1888-1930), уроженец Кутаисской губернии,

ученый-пушкинист остался в СССР; проходил по «делу Пушкинского Дома», был арестован и расстрелян. Потомки Арнольда Львовича – его внучатый племянник – Николай Юрьевич Зиссерман (1897-1918), воспитанник Училища правоведения, подпоручик 84-го пехотного Ширванского полка, погибший в пекле Гражданской войны. На его смерть писали: «Происходя из военной семьи, традиционно связанной с Кавказом, по окончании ускоренных курсов Пажеского Корпуса, вышел в 84-й пехотный Ширванский Его Величества полк. В начале Гражданской войны застрелился, попав в окружение красных, чем подтвердил свою верность началам, которые сызмальства исповедовал». Возможно, на решение романтического, эмоционального юноши повлияла легенда, поведенная нам А.А. Керсновским: «Во время сражения при Бородино полк защищал Курганную батарею Раевского: 24-я пех. дивизия старого кавказского героя генерала Лихачева. Жестоко большой Лихачев, став перед Ширванским полком, сказал: «Ребята, за нами Москва! Умрем на батарее, но не сдадим ее!» Ширванцы поклялись умереть, но не отступать – «и клятву верности сдержали». ...Впоследствии на Кавказе Лермонтов слышал «про день Бородина» от старых

Владимир Арнольдovich Зиссерман

ширванцев. Вдохновение поэта родило бессмертные строфы. Вся Россия знает его «Бородино». Пусть те, кто прочтут эти строчки, знают, что там поется про Ширванский полк».

Потомки Арнольда Львовича Зиссермана – его сын Владимир Арнольдovich (1872-1957) – участник Первой мировой и Гражданской войн, его внуки Владимир Владимирович – служил в британском торговом флоте (без вести пропал в начале Второй мировой войны, где-то на территории Индии) и Павел Владимирович – герой французского Сопротивления.

Эпопея семьи младшего сына Арнольда Львовича Зиссермана – Владимира в водовороте великого перелома хоть и песчинка (но какая!) в общей судьбе русской эмиграции первой волны, вынужденной жить и развиваться на чужбине с тоской об отчизне, стала предметом данной статьи. Владимир Арнольдovich Зиссерман получил блестящее образование в знаменитой Санкт-Петербургской классической гимназии, а затем в Московском университете, где изучал юриспруденцию, занимал ответственные посты в Государственном банке, в

Министерстве внутренних дел. Выйдя в 1907 году в отставку, женился на австрийке Матильде Глогау и обосновался с семьей в родовом имении в с. Лутовиново Тульской губернии: состоял в правлениях частных банков, был земским начальником, вел сельское хозяйство. К началу Первой мировой войны ему было 42 года. В августе 1914 года он был призван по мобилизации в Государственное ополчение; в 1915-1916 годах находился в рядах дислоцированного в Туле 76-го запасного батальона (был командиром 2-й роты). На момент начала Первой мировой войны у Владимира было двое детей – Николай (1911) и Константин (1913), во время войны у него родились еще двое сыновей – Павел (1915) и Владимир (1917). В марте 1917 года по собственному желанию Владимир Арнольдovich был командирован в распоряжение штаба Кавказского фронта, назначен в 4-й Пограничный стрелковый полк в составе Персидского экспедиционного корпуса.

Жизнь непредсказуема и полна неожиданностей: вроде бы не имеющие на первый взгляд прямого отношения к поднятой теме события, опосредованно помогают находить между ними причинно-следственные связи. Для того чтобы лучше ориентироваться в описываемых событиях, с нашей точки зрения, необходимо иметь хотя бы общие представления о Кавказском фронте, развернутом в ходе Первой мировой войны, о среде окружения Владимира Арнольдovichа.

До направления Владимира Арнольдovichа на Кавказ, Кавказская армия сумела перенести военные действия на территорию Турции в результате успешной Сарыкамышской операции и открыть себе путь вглубь Анатолии: благодаря успешной Хамаданской операции предотвратить вступление Персии в войну на стороне Германии. В конце января 1917 года Кавказские войска под командованием Николая Николаевича Юденича, одного из самых успешных генералов Российской империи во время Первой мировой войны, по просьбе союзников ак-

тивизировали свои действия в тылу 6-й турецкой армии и уже в феврале 1917 г. перешли в наступление на Багдадском и Пенджвинском направлениях. 1-й Кавказский корпус генерал-лейтенанта Николая Николаевича Баратова вышел к границам Месопотамии, а 2-й Кавказский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Федора Григорьевича Чернозубова – к Пенджевину. Наступление русских, оттянувшее на себя последние турецкие резервы в Персии, позволило англичанам занять Багдад. К апрелю 1917 г. союзники обладали неоспоримым не только качественным, но и количественным превосходством в силах и средствах в Передней Азии. В январе 1918 года Владимир Арнольдovich был прикомандирован к штабу 1-го Кавказского корпуса и назначен членом англо-русской Хамаданской комиссии, ведавшей выдачей субсидий русским войскам. После заключения большевиками сепаратного мира с Германией Русская армия и вместе с нею Кавказский фронт перестали существовать. Воспользовавшись тем, что 3 марта 1918 года Советская Россия подписала мирный договор, по которому фактически признала поражение и вышла из Первой мировой войны, Лондон, который и до этого урезал сметы, начиная с марта восемнадцатого года, приказал совсем прекратить выдачу денег: бросил голодными массу еще не ушедших войск и отказался платить их долги. 10 июля 1918 года Н.Н. Баратов подписал свой последний приказ по экспедиционному (Кавказскому кавалерийскому) корпусу – о его расформировании. После этих событий Н.Н. Баратов пять месяцев жил в Индии, после чего примкнул к Белому движению. Представлял деникинскую Добровольческую армию при меньшевистском правительстве Грузии. Написанная по горячим следам официальная британская история Великой войны отмечала стратегические и организаторские способности командующего Н.Н. Юденича и признала его армию, в рядах которой воевал Владимир Арнольдovich Зиссерман, «единственной,.. которая

Встреча генерала Баратова. Шверин, Хамадан. 1917

наилучшим образом могла бы справиться с тяжелыми условиями и победить». Французский маршал Фош признавал: «Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству русских солдат». Но большевистский переворот в Петрограде вывел страну из войны, окончательно свернув военные действия на Кавказском фронте.

Владимир Арнольдович в октябре 1918 года выехал через Месопотамию в Индию. Свою кавказскую эпопею он кратко описал в записках: «В Тифлисе я получил, как знающий языки, назначение в экспедиционный корпус генерала Баратова в Персию. Через Баку и Энзели поехал в Хамадан в штаб корпуса и был назначен в 4-й Кавказский Пограничный полк, действовавший в Курдистане на Турецкой границе. Был батальонным адъютантом, полевым казначеем, болел малярией и лежал в госпитале; выступал от имени офицеров полка перед генералом Баратовым с ходатайством о помощи в их тяжелом материальном положении, так как корпус остался без денег. Предложил схему финансирования корпуса путем выпуска «военных платежных свидетельств», которые могли получить хождение на рынке. Генерал Баратов, знавший и дядю Карла и моего двоюродного

брата Ваню, прикомандировал меня к своему штабу и командировал в Тегеран для переговоров по сказанному делу. Там я сошелся со старшим драгоманом миссии М.М. Беляевым и посланником Эттером. Ввиду протеста Тифлиса, схема не состоялась, но помогли англичане, и корпус мог эвакуироваться в Баку. Я был назначен членом англо-русской Хамаданской финансовой комиссии и в Баку не поехал; хорошо сделал, ибо судьба офицерства была плачевная и от насилий и оскорблений взбудораженной солдатни, и от восставших на русских, вообще, чеченцев. После разных перемен, вплоть до ареста персидскими революционерами в Реште, эвакуировался в октябре 1918 года с помощью английского командования в Багдад – Басру, отсюда в Бомбей. Эта эвакуация оставшихся в Персии офицеров экспедиционного и 7-го корпусов состоялась по моей инициативе. После месячного пребывания в Индии, причем я ездил к генералу Баратову на юг страны и на Цейлон, наша группа поехала морем, через Коломбо, Сингапур, Гонг-Конг, на Дальний Восток – в Шанхай, Нагасаки и Владивосток для присоединения к движению адмирала Колчака».

В 1919 году Владимир Арнольдович был назначен первым секретарем Междусо-

юзного комитета по делам Сибирской, Амурской и Китайской Восточной железной дороги. Эта дорога была построена в 1897-1903 годах как южная ветка Транссибирской магистрали; принадлежала Российской империи и обслуживалась ее подданными, однако, интервенция, гражданская война и чешский контроль над значительной частью железной дороги, привели ее в плачевное состояние. В 1919 году было принято решение о создании Междусоюзного железнодорожного комитета (МЖК) с целью разделения железной дороги на участки, которые должны были охраняться американскими, китайскими и японскими державами. В него вошли представители правительств России (правительство адмирала А. В. Колчака (1918-1920)), США, Японии, Китая, Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии. На учредительном заседании 5 марта 1919 г., был образован Междусоюзный железнодорожный комитет по восстановлению деятельности транспорта Китайско-Восточной и Сибирской железных дорог. Владивосток, Омск. 1919. Комитет решал вопросы участия иностранных союзников в управлении железными дорогами Сибири и Дальнего Востока, а также материально-технической и финансовой помощи железнодорожному ведомству

Награждение Георгиевскими крестами генералом Баратовым. Шверин. Хамадан. 1918

Российского правительства. При МЖК действовал Междусоюзный технический совет под председательством американского инженера и предпринимателя Дж.Ф. Стивенса. В период с 1919 по 1922 год технический совет внес существенный вклад в улучшение как физического состояния железной дороги, так и ее эффективности. В результате наступательной приморской операции (4-25 окт. 1922) Народно-революционной армии (НРА) Дальневосточной Республики (ДРВ), белые войска были разгромлены, союзные войска оставили Сибирь, а японцы эвакуировались из Владивостока, что обусловило роспуск Междусоюзного железнодорожного технического управления. Войска НРА после мирных переговоров с японским командованием, 25 октября 1922 г. вошли вместе с партизанскими отрядами во Владивосток. 14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР решило ликвидировать республику и войти в состав Советской России. Так закончилась эпопея дальневосточной гражданской войны и интервенции, унесшая с той и другой стороны около 80 тысяч жизней и вынудившая сотни тысяч людей эмигрировать. Основная масса российских эмигрантов с Дальнего Востока – около 150 тысяч человек – оказалась в Китае. Среди них был и Владимир Арнольдович Зиссерман. 18 октября 1922 года он отплыл из Владивостока в Японию, а оттуда в Харбин.

Здесь необходимо отметить,

что построенный русскими в топкой, заросшей осокой и камышом, болотистой местности, железнодорожный поселок Сунгари с 1901 года превратился в город Харбин – административно-хозяйственный центр Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) с громадной инфраструктурой: храмами, больницами, школами, библиотеками, театрами, жилыми домами для служащих и рабочих дороги. Воплощение замысла КВЖД в жизнь привело к возникновению в Маньчжурии своеобразного феномена: на пустынных китайских землях выросло в лице КВЖД «государство в государстве». Полоса отчуждения – это почти государство, со своими четко обозначенными границами и территорией, многонациональным населением, законодательной и исполнительной властями, главой «государства» в лице Управляющего, министерствами, полицией и армией, собственной системой образования и здравоохранения. По состоянию на 1917 год, в Харбине проживало около 100 тысяч человек, из которых 40 тысяч были русскими. После 1917 года русское население города увеличилось с 40 до 120 тысяч. В Харбине того времени собрался весь цвет бежавшей из России интеллигенции. Надежда Аблова на страницах Белорусского журнала международных отношений в статье «История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века)» отмечает, что многообразие факторов: то, что

город вырос почти в безлюдной местности, что создавался он по российским градостроительным образцам начала XX в., а также значительный приток русского населения в полосу отчуждения, реальная забота администрации КВЖД о налаживании русского быта и русского образа жизни на чужой земле, русская духовная и культурная жизнь – все это создало феномен Харбина – уникального города, не имевшего тогда аналогов в мире. Харбин оставил глубокий след в памяти живших в нем и любивших его людей, волею случая или собственного выбора оказавшихся изгнанниками. Именно здесь, в Маньчжурии, они испытывали иллюзию сохранения существования хотя бы части, осколка горячо любимой ими и уже не существующей России. Долго, по сути до 1935 г., полоса отчуждения и сам Харбин позволяли этой иллюзии питать и поддерживать и само существование русских беженцев, и их реальные планы на будущее, и их бесплодные мечты и несбывшиеся надежды (Н. Аблова). Русские люди в полосе отчуждения никогда не чувствовали себя за границей.

Когда Владимир Арнольдович в марте 1917 года отправлялся в распоряжение штаба Кавказского фронта, было решено, что Матильда Генриховна с детьми останутся в Лутовиново, как наиболее безопасном для них на тот момент месте. Между тем события развернулись таким образом, что в конце

Павел (слева) в рабочем лагере для интернированных Муримоос, кантон Ааргау, Швейцария. 1942

1917 – начале 1918 года старая власть рухнула, а новая еще не утвердилась. В период безвластия крестьяне обратились к практике сельского схода, по решению которого они шли громить дворянские усадьбы. Волна погромов дворянских усадеб прокатилась именно в этот «безвластный» период. Жизнь в Лутовиново становилась непредсказуемой и опасной. В 1918 году местные крестьяне предупредили Матильду Генриховну, что если они не покинут усадьбу, то их могут убить. Наскоро собрав самое необходимое, вложив в караван хлеба драгоценности, с четырьмя детьми и двумя нянюшками, отправилась Матильда Генриховна к мужу в Кисловодск. Однако пока они добирались, в Кисловодск пришли красные, и им пришлось опять бежать. На этот раз к родственникам в Вену. Две служанки разделили с Матильдой Генриховной и ее четырьмя детьми невероятно сложный и опасный путь в Туапсе, затем на рыбацкой лодке в Бердянск, оттуда в Одессу и далее в Вену. Это была целая эпопея! Юг России тогда был занят немецкими и австрийски-

ми войсками. Немецко-австрийский патруль очень удивился, увидев своих соотечественниц с четырьмя маленькими детьми на берегу моря у г. Бердянска и помог им добраться до Одессы. Оттуда они поехали в Вену. Матильду Генриховну с детьми приютила ее сестра Шарлотта, которая жила с семьей в Моравии. Там дети пошли в школу. В 1922 году пришла весточка от Владимира Арнольдовича: он просил жену с детьми приехать к нему на Дальний Восток. В марте 1922 года Матильда Генриховна с детьми и помощницей отправилась в дальний, изнурительный путь длиной в девять месяцев. В декабре 1922 года муж встречал их в Шанхае. Семья обосновалась на северо-востоке Китая, в Харбине, где Владимир Арнольдович занимал руководящую должность на КВЖД. В Харбине у Владимира Арнольдовича и Матильды Генриховны родилась дочь Анна (1923), которая стала талантливым лингвистом, работала в ООН в Нью-Йорке и Женеве, была замужем за известным английским писателем Джозном Питером Берджером.

Старших мальчиков Влади-

мир Арнольдович определил в Коммерческое училище – одну из лучших школ Харбина, принадлежавшую КВЖД. Основателем и первым директором Коммерческого училища (1905-1925) был замечательный педагог и администратор Николай Викторович Борзов. После того как в 1925 г., по требованию советских властей, Н.В. Борзова уволили со службы, Владимир Арнольдович двух старших сыновей отправил в Вену в одну из старейших и престижнейших гимназий Австрии – венскую Schottengymnasium (гимназия Шотландского монастыря). После окончания гимназии Николай продолжил учебу в Венском университете, защитил диссертацию по истории России и получил степень доктора философии. Был ведущим журналистом венской ежедневной газеты «Нойе фрайе прессе». В 1938 году вернулся в Харбин, преподавал латинский язык в недавно учрежденном Государственном Чанчуньском университете. До 1945 года Чанчунь назывался Синьцзинь и был столицей Маньчжоу-го – Маньчжурского государства (с марта 1932 по август 1945 года), созданного

Братья Зиссерманы: Павел, Николай, Владимир и Константин (слева направо)

японцами на территории Северо-Восточного Китая. Работал переводчиком в Харбине на железной дороге, которая к тому времени называлась Китайская Чанчуньская жд. Преподавал русский язык и литературу в Новой Зеландии. В Харбине встретил любовь всей жизни – Зинаиду Дмитриевну Нефедьеву, из семьи бежавшей от революции фабриканта Виноградова. Константин после окончания гимназии остался в Австрии, где служил в банке в Вене.

Что касается двух младших сыновей – Павла и Владимира, то они поступили в Харбинское Первое реальное училище, директором которого в 1929-1931 гг. был вернувшийся в Харбин Н. В. Борзов, продолжили учебу в гимназии Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ), давшей Харбину множество талантливых поэтов, журналистов, преподавателей; обучались в одном из старейших университетов Европы, в Лувене, в Бельгии. Павел свободно владел французским, английским, немецким, китайским и русским языками. Там Павел и Владимир примкнули к самому удивительному из движений русской эмиграции – младоросскому. Их политическая философия – идея

социальной монархии нашла огромный отклик в молодежной среде. В записках Владимира Арнольдовича есть такая фраза: «Паша в Лувенском университете отлично прошел курс «общественных наук», был любимцем товарищей (там было русское эмигрантское общество), но попал под влияние партии (собственно, идейной группы) «младороссов»... вошел в круг «претендента» Кирилла Владимировича, писал статьи, стал известен и популярен среди широких кругов эмиграции». Идеология младороссов отличалась крайней противоречивостью и эклектичностью, что привело к появлению главного лозунга «младороссов» – «Царь и Советы». Политический строй, о котором мечтали младороссы, уместнее всего укладывается в концепцию неомонархизма. По их мнению, монархия – единственно легитимная форма правления, которая при этом вполне гармонично может сочетаться с советским строем, давшим России импульс развития. Кирилл Владимирович до самой смерти в 1938 году верил, что коммунизм изживет себя, а народное ополчение подарит России великое будущее. Когда Адольф Гитлер стал рейхскан-

цлером, младороссы подписали акт о сотрудничестве, но вскоре открестились от нацизма. В мае 1939 года лидер Младоросской партии, талантливый оратор и публицист Казем-Бек пишет свой знаменитый «Ответ Адольфу Гитлеру»: «Русские могут сказать Германии и ее вождю... меча первые не обнажим, но на взмах вашего меча – уж не обессудьте – ответим не только крепостью щита, но и разящей мощью Русского меча». За вре-

Павел Зиссерман

мя существования младороссы сформулировали особую идеологию, дали эмиграции ряд видных лидеров, а во время Второй мировой войны внесли значимый вклад в борьбу с нацизмом в движении Сопротивления.

Участие русской эмиграции первой волны во французском движении Сопротивления до сих пор является малоизвестной страницей Второй мировой войны. Первое известие о сброшенных на родные города и села гитлеровских авиационных бомбах совершенно переродило эмигрантскую психологию и в среде большинства русской эмиграции поднялась мощная волна патриотизма. Многие из русской эмиграции первой волны, идя на опасную борьбу против нацизма, руководствовались девизом: «Не красный, не белый, а русский!». Ранней весной 1941 года эмигрантский «фюрер» Ю. Л. Войцеховский, назначенный в Бельгии гестапо для надзора за эмигрантами, устроил настоящий террор против всех подозреваемых в сочувствии советской власти. Бельгийские тюрьмы и концентрационные лагеря быстро наполнились сотнями неугодных Войцеховскому людей. Единицы дожили до дня Победы. Не избежал этой участи и Павел Владимирович Зиссерман: 22 июня 1941 года нацисты вместе с другими русскими эмигрантами арестовали его за участие в антифашистской демонстрации и отправили в созданный ими в оккупированной Бельгии под управлением полиции безопасный транзитный концентрационный лагерь заключения и депортации в г. Малинь (Мехелен). Войцеховский постарался создать заключенным в малиньском лагере самые суровые условия. На услужении у гитлеровцев состояли, кроме гестаповцев, пособники из числа самих же узников. Их называли «капо» (сокращенное от «Kazetpolizei» – служащий вспомогательной полиции концлагеря). «Капо» демонстрировали абсолютную готовность к любым карательным действиям в отношении заключенных. И нередко добровольные помощники нацистов зверствовали не меньше своих

покровителей. К примеру, один из этих «капо» бил Павла Зиссермана каждый день со всей силой по одной и той же руке палкой. Рука постоянно ныла, боль слегка стихала к ночи, – потом появлялась опухоль, рука немела. Весной 1942 года Павлу удалось бежать и добраться до Парижа. Несмотря на приказ правительства Петена об аресте всех без исключения русских эмигрантов, отважился поехать в Гренобль, где находилась подпольная ячейка, переправляющая людей в союзные армии. В Гренобле он попал в облаву и очутился в лагере под надзором полиции Филиппа Петена. Вновь побег и на этот раз – в Швейцарию. Казалось, после всего пережитого можно и успокоиться, отойти в сторону, переждать войну, но зов души, как вихрь неудержимый звал на бой. Осенью 1943 года он вновь во Франции, где пытается вступить в ряды макизаров.

В истории французского Сопротивления одной из наиболее ярких страниц являются дела и дни борьбы Верхней Савойи. Во время Второй мировой войны Национальный фронт Верхней Савойи (департамент на востоке Франции, один из департаментов региона Овернь – Рона – Альпы) взял на себя инициативу создания патриотического комитета по борьбе с отправкой французов в Германию. М. М. Штранге, выпускник историко-филологического факультета Парижского университета (Сорбонны), в статье «Народное движение Сопротивления в Верхней Савойе в 1941-1944 годах» писал: «В Верхней Савойе партизанская война вспыхнула довольно поздно – только после вступления на ее территорию итальянских и немецких войск в ноябре 1942 года. Но своеобразные условия местности, особенности быта и характера населения придали борьбе савоярвов особенно острую, драматическую форму». Свою деятельность комитет начал с распространения листовок, призывавших молодых французов не подчиняться мобилизации, не ехать в Германию, а уходить в горы. В результате несколько сот молодых савоярвов перешло на нелегальное положение

и ушло в горы, положив тем самым начало знаменитым Маки (фр. колючий кустарник) – небольшим летучим лагерям партизан. Чтобы отличаться от других и в то же время не вызывать подозрений властей, маки носили баскские береты. Своих товарищей по оружию – советских партизан, воевавших на территории Франции, маки называли «макизарами». Павел Зиссерман узнал, что один из главных начальников маки в Верхней Савойе был русский, некий Ш. [Василий Федорович Шашелев]. После нескольких свиданий он оказал доверие Павлу и принял в один из отрядов группы FTP [Французские франтиреры и партизаны – крупнейшей военной организации французского Сопротивления во время нацистской оккупации]. Отряд назывался «Liberte Cherie» «Милая Свобода». Так он стал партизаном, и сразу одним из лучших. В роковой день 27 января 1944 года карательный отряд немцев вышел из местечка Бонвиль для уничтожения лагеря макизаров, находящегося в горах. Предупредить было поздно и отряд из восьми человек под командованием Павла Зиссермана получил задание идти следом за немцами и по возможности завлечь их в западню. Немцы вошли в уще-

Владимир Арнольдович Зиссерман с внуком Константином у своего дома на Телинской улице в Харбине. 1941

Ф. Раугел. В горах Верхней Савойи

лье, но неожиданный обвал засыпал выход, и они повернули назад. Отряд Зиссермана сам оказался в ловушке. Отступить было некуда. Успев крикнуть: «бегите!», Павел (партизанская кличка «Алекс», он же «Владимир»), один, около часа прикрывал отход товарищей в горы. Убит выстрелом в голову: как ножом срезало ему черепную коробку и мозг, вылетев, оказался рядом с телом. Немцы, бросив тело Павла Владимировича в грузовик, уехали. Когда все стихло, макизары заботливо положили мозг Павла в корзинку и вернулись в свое убежище. Местный столяр смастерил для него ящичек. Через два дня карательный отряд ушел из Бонвиля, наступила кратковременная передышка, во время которой в вечернем лесу, недалеко от деревни Ле Пети-Борнан-Ле-Глиер, с воинскими почестями похоронили мозг Павла Зиссермана. Позднее товарищи по группе перезахоронили его на кладбище в Ле Пети-Борнан-Ле-Глиер. О его подвиге можно прочесть в июльском номере журнала с пометкой на правах рукописи – «Вестник русских добровольцев, партизан и участников сопротивления во Франции» (Париж, 1946). Этот журнал представляет исключительную ценность, так как на его страницах публиковались воспоминания об участии в подпольной борьбе, отчеты о партизанской деятельности, письма, хроники событий и т.д.

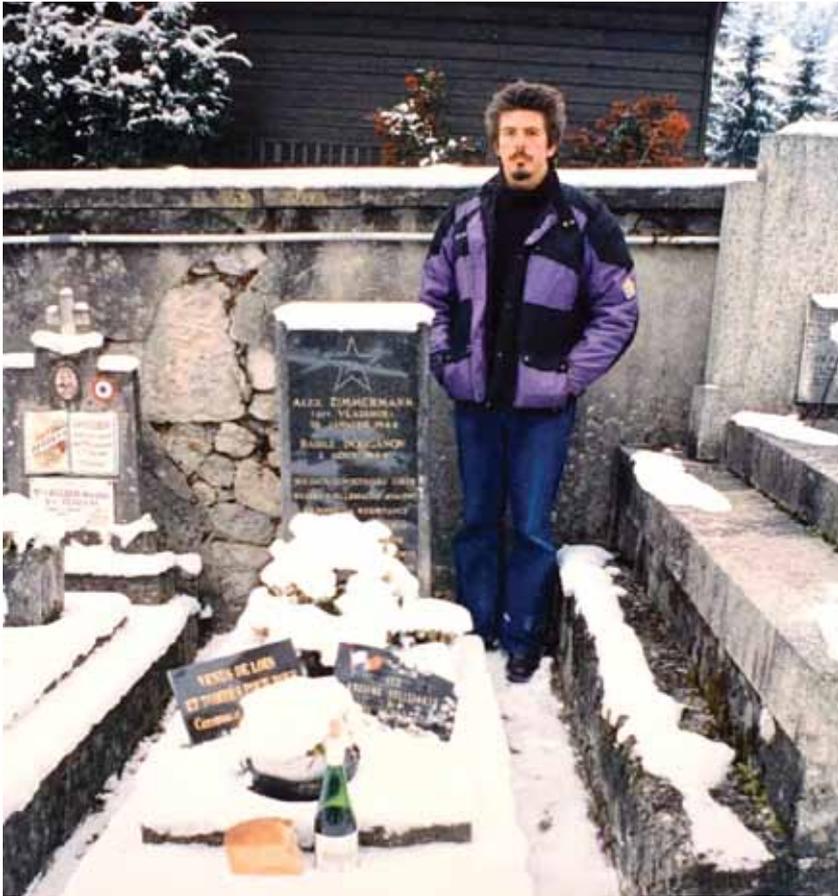
Там нашли мы заметку Надежды Михайловны Алексеевой «Памяти Павла Зиссермана», где, наряду с описанием подвига, составлен и его словесный портрет. Перед нами предстает образ худого, очень высокого, в фуражке типа «Кука», шумного и веселого, вечно увлеченного двадцатипятилетнего молодого человека с красивым откры-

тым лицом, с добрыми, умными глазами, любителя произносить торжественные тосты за обедом с друзьями – отголосок застольных кавказских традиций, связанной с Кавказом его семьи. Книголюба, в стремлении поделиться эмоциями от привлекшей его внимание книги, настаивает, чтобы коллеги незамедлительно приступили к чтению именно той книги, которую он на данный момент читает, чтобы было с кем подискутировать о прочитанном.

Вскоре после окончания Второй мировой войны Матильда Генриховна Зиссерман в поисках сына добралась до Франции. Каким-то образом узнала, что он был в Савоие. Поехала туда, отыскала его сотоварищей по Сопротивлению и осталась на несколько дней там, где провел последние дни своей жизни ее Паша. Перед отъездом Матильде Генриховне подарили картину художника Ф. Раугел с изображением домика в горах Верхней Савойи. На обратной стороне рамки – надпись карандашом на темном дереве: «Матери Павла Циммермана (подпольная клич-

Анна Владимировна Зиссерман-Берджер на церемонии открытия мемориальной доски Павлу Владимировичу Зиссерману

Павел Константинович Зиссерман, у могилы Павла Владимировича в деревушке Ле Пети-Борнан-Ле-Глиер

ка Владимир Бельский). За поездку в Верхнюю Савойю (La Roche Gliere) в поисках сына, убитого в 1944 году немцами».

В 1996 году на месте гибели Павла Владимировича Зиссермана в присутствии его сестры – Анны Зиссерман-Берджер, Констана Пезана – боевого друга Павла, других товарищей по Сопротивлению, военного атташе при российском посольстве в Париже, мэра Сен-Пьер-д'Антремона, департамент Савойя, и многих пришедших почтить память героя была торжественно открыта мемориальная доска, которую прикрепили к скале в ущелье. На торжественной церемонии открытия мемориальной доски Констан Пезан произнес следующие слова: «Он был моим другом и оставил в моей памяти и в моем сердце след, который никогда не исчезнет». Мир его праху, слава его памяти! Герой не умирает, пока жива память о нем и его подвиге. В честь прославленного героя назван его внучатый племянник. В декабре 2002 года он, находясь с друзьями на альпийском горнолыжном курорте в Куршавеле,

расположенном в самом сердце департамента Савойя, не мог не вспомнить о подвиге своего двоюродного дедушки. Друзья, потрясенные рассказом, решили немедленно ехать в Ле Пети-Борнан-Ле-Глиер. Там, глубокой снежной зимой заглянули они в булочную, чтоб узнать, где находится мемориальная доска. Повторяя «Oh, le Russe, le Russe», савояры повели их к скале и долго не могли поверить, что перед ними – внучатый племянник того самого знаменитого русского, о подвиге которого в деталях знали. Можно представить себе эмоции Павла Константиновича Зиссермана, когда он, бережно очистив мемориальную доску от снега, увидел надпись на скале – «Павел Зиссерманн (Владимир, Алекс). Советский патриот, бежавший из нацистского лагеря. Покинул убежище в Швейцарии и вступил во Французское Сопротивление. 27 января 1944 года – своим мужеством и самопожертвованием прикрыл отступление своих друзей, вступивших в неравную бой против немецкого конвоя»!

Как трогательно: одной из

партизанских кличек Павла была «Владимир» – имя находящегося в далеком Харбине отца и брата – моряка британского торгового флота.

Удивительно и невыразимо чувство Родины: потомки Арнольда Львовича Зиссермана, пройдя через ад эпохи перелома, сохранили духовную связь с исторической Родиной, язык и трепетное отношение к ней и старшим поколениям. В

Франция, Верхняя Савойя.

деревушке Ле Пети-Борнан-Ле-Глиер, затерявшейся в верхнесавойских Альпах, на двухсотлетнем кладбище находится ухоженная могила двух «советских» бойцов. Эту могилу семья Зиссерманов чтит как могилу Павла. На памятнике выгравировано: «Алекс Зиммерман [ошибочно, на самом деле Зиссерман] он же Владимир. Погиб 18 января 1944. Василь Дорганов погиб 2 августа 1944. Советские солдаты СССР, бежавшие из Германии и вступившие в ряды Сопротивления – группа «Милая Свобода». Геройски погибли в бою за Свободу и за Францию. От их друзей, бывших партизан. Пришедшим издалека и павшим за нас».

После премьеры спектакля «Ханума, или Поэма о старом Тбилиси»

ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ ТБИЛИСИ

КАК В РАЗНЫЕ ГОДЫ ГРИБОЕДОВЦЫ ОТМЕЧАЛИ ЮБИЛЕИ ТЕАТРА

■ **Инна БЕРИДЗЕ**

После Великой Отечественной

Спустя полгода после Великой Победы над фашизмом в Грузии отметили **столетний юбилей** русского театра. Празднование было приурочено к окончанию смотра спектаклей русской классики в театрах страны – он с большим успехом прошел с 11 по 25 декабря 1945 года. Особенно удачными были признаны постановки по пьесам Александра Островского.

25 декабря состоялось торжественное заседание, которое открыл председатель комиссии по празднованию векового юбилея театра народный артист Грузии Шалва Дадиани. С докладом «Сто лет русского театра в Грузии» выступил директор Театрального музея Грузии Григорий Бухникашвили. Поделится воспоминаниями о своей режиссерской работе

в русском театре Народный артист Грузии Александр Цуцунава. Поздравил юбиляров гость из Баку – Народный артист Азербайджана Александр Туганов, создавший в 1915 году «Товарищество артистов русского театрального общества» (ТАРТО) вместе с театром «Артистическое общество». В 1921 году ТАРТО был преобразован в Русский академический театр.

После торжественного заседания был показан спектакль «Лес» А. Островского в постановке Народного артиста Грузии Анатолия Дмитриевича Смиранина. Оформил спектакль художник Борис Локтин. Анатолий Смиранин сыграл в своей постановке Несчастливцева. В остальных ролях выступили звезды грибоедовской сцены – Екатерина Сатина, Надежда Сперанская, Мавр Пясецкий, Констатин Мюфке, Борис Вяземский и другие.

В фойе театра была развер-

нута выставка, посвященная столетнему юбилею.

Родной дом

В 1970-м – спустя четверть века – отметили **125-летний юбилей** русского театра. Он совпал с приходом в театр в качестве главного режиссера Гиги Лордкипанидзе, развернувшего кипучую творческую деятельность. По словам директора Шалвы Габискирия, театр был на подъеме – несмотря на то, что не имел тогда своего помещения. Обновление

театра выразилось не только в интересном репертуаре, но и в появлении молодых кадров. Юбилейный сезон грибоедовцы начали с обновленной труппой: в коллектив влились 12 выпускников московских театральных вузов. С их участием был выпущен спектакль для молодых – сказка «Тень» Исаака Шварца.

Театр поздравила Народная

Сцена из спектакля «Тень»

артистка СССР Верико Анджапаридзе: «У меня особые отношения с театром Грибоедова. Я играла в спектаклях этого прекрасного коллектива на русском языке и нашла там такой же родной дом, таких же друзей, как и у себя в театре имени К. Марджанишвили».

Мост между прошлым и будущим

Празднование **150-летнего юбилея** русского театра отложилось на два года. «Не до юбилеев было, – пишет В. Церетели. – Сгустившиеся над самим театром тучи – угроза слияния с русским Театром для детей и молодежи – сейчас, кажется, развеялись... И вот он, юбилей, да еще в торжественные дни Тбилисского международного фестиваля искусств. В этот день старейший Русский театр в Тбилиси вспомнил былые времена, когда он был властителем дум и носителем высочайшего искусства. В юбилейный вечер в теа-

тре было особенно торжественно – члены правительства во главе с Эдуардом Шеварднадзе, официальные лица, гости, и конечно же преданные театру зрители, не оставляющие его в самые трудные периоды жизни. Были и награждения – Указом президента Грузии Орденом Чести была награждена замечательная артистка Русского театра, отдавшая ему полвека, Наталья Бурмистрова, а целая группа артистов – медалями. Среди гостей были российские артисты – так, Кирилл Лавров напомнил в своем поздравлении, сколько имен уже ушедших людей связывают театр Грибоедова и Большой драматический, в первую очередь, это Георгий Товстоногов, начинавший свой режиссерский путь в Грибоедовском театре. А приветствовавшая театр группа Ростовского драмтеатра оповестила о своем творческом союзе с нынешним художественным руководителем Грибоедовского театра Георгием Кавтарадзе, поставившим в Ростове три спектакля. Русский театр в свой юбилей не ограничился ролью благодарного слушателя: коллектив показал зрителям свою новую работу «Женщина» («Екатерина Ивановна») Леонида Андреева».

В своем юбилейном обращении к театру президент Грузии Эдуард Шеварднадзе отметил особое предназначение театра Грибоедова: «Миссия этого театра никогда не ограничивалась только культурным назначением – это был пример бескорыстного служения сближению народов. Большое спасибо за все это. Убежден, что этот театр, имеющий большие традиции, его руководство, труппа, сотрудники в новое время, в новой Грузии достойно продолжают традиции предков». Тогдашний лидер грузинского государства назвал русский театр в Грузии «мостом, проложенным не только между двумя независимыми государствами, но и между прошлым и будущим для сохранения той доброты, которая из многовековых сложных взаимоотношений Грузии и России должна сберечь и фактически поднять на новую высоту, на высоту истинной любви и

уважения, только хорошее».

В юбилейном году труппа отправилась на гастроли в Москву. Они были приурочены к 200-летию Александра Сергеевича Грибоедова. Привезли, как писала пресса, «небольшое и легкое» – детскую сказку «Принц-горбун» Ф. Кони, французскую комедию «Будьте здоровы!» П. Шено (режиссер обеих спектаклей – Лейла Джаши) и литературную композицию, посвященную А. С. Грибоедову, под названием «...для чего пережила тебя любовь моя!» – по повести Б. Изюмского о Нине Грибоедовой. Поставила спектакль Народная артистка Грузии Елена (Нелли) Килосанидзе, она же выступила в роли Нины.

Сила предания

В 2005 году театр имени Грибоедова масштабно отметил **160-летний юбилей**, созвав гостей со всех уголков земного шара – приехали около 60 человек. Среди них были такие яркие личности, как князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский из Лондона, граф Петр Петрович Шереметев из Парижа, звезды театра и кино Кирилл Лавров, Донатас Банионис, Богдан Ступка, известные критики и театроведы Наталья Старосельская, Татьяна Шах-Азизова, Лана Гарон, Наталья Каминская, Марина Дмитриевская, Елена Ямпольская, актеры, в разные годы работавшие на грибоедовской сцене, – из России, Украины, США, Великобритании, Израиля, Турции, Франции.

К торжественной дате выпустили три премьеры: «Ханума, или Поэма о старом Тбилиси» А. Цагарели в постановке Авто Варсимашвили, «Пять вечеров» А. Володина – режиссура Георгия Шалуташвили и «Чиполлино» Дж. Родари, поставленный Гоги Тодадзе.

К празднику долго и тщательно готовились. Преобразился фасад здания театра – его обтянул баннер, возродивший не только образ прежнего здания театра, но и облик старого Тифлиса... Город-мираж, город-сказка словно проявился из снов, мечтаний и воспоминаний. А продолжение сказки было уже на сцене – в шумном,

К. Лавров и Г. Лордкипанидзе на открытии мемориальной доски Георгия Товстоногова. 2005

веселом спектакле «Ханума», в яркой сценографии Юрия Гегешидзе, фонтанирующей, полной жизни музыке Гии Канчели, возвративших зрителей в колоритный мир многоязычного города, на его улочки и балконы, в его духаны и бани.

Автандил Варсимашвили заявил спектакль как посвящение Георгию Товстоногову. Конечно, это – цитата из той знаменитой «Ханумы» БДТ, с теми же самыми песнями, но с современным тбилисским, а не петербургским акцентом. К тому же тифлиссский «пронс» у актеров настоящий, а не сделанный. Правда, в остальном Автандилу Варсимашвили пришлось реконструировать старый Тифлис, даже воскресить ашугов – народных певцов-поэтов, некогда показывавших веселые и грустные представления почтеннейшей публике. Их пластика, грим, костюмы в спектакле грибоедовцев воскрешают в памяти танцы ашугов Георгия Гурджиева.

Все происходящее в спектакле, по замыслу режиссера, придумано и разыграно ашугами. За коврами-ширмами, которые они выносили на сцену, скрывались действующие лица. И закручивалось веселое-грустное представление. В самом деле, веселье в этом спектакле было с грустинкой. Наверное, потому, что этого пестрого, многонационального Тбилиси с особыми (конечно, идеализированными!) взаимоотношениями людей уже нет и в помине. Ведь нельзя дважды войти в одну и ту же реку...

Потому и тексты звучали как-то уж очень современно. Тяже-

лое материальное положение и никчемность князя Пантиашвили (в колоритном исполнении Нико Гомелаури), тщетно пытающегося сохранить остатки человеческого достоинства, но при этом постоянно выпрашивающего у всех денег, вызывали живой отклик в зале, да и целеустремленная, «крутая» Ханума (Ирина Мегвинетухуцеси) скорее напоминала нынешних оборотливых персонажей – бизнес-вумен, для которых нет никаких преград, если речь идет о больших барышах, чем тифлисскую сваху. А главный герой постановки – вовсе не энергичная Ханума, а князь Пантиашвили, собирательный образ грузина, как это представляют себе авторы спектакля. Обаятельный кутила, прожигатель жизни, ленивый и в то же время бесконечно одинокий человек, предаваемый окружающими, даже друзьями. Таким его играл Нико Гомелаури.

Среди гостей была завотделом театра редакции московской газеты «Культура» Наталья Каминская, и вот как она восприняла тбилиссскую «Хануму»:

«Постановка А. Варсимашвили сильно отличается от знаменитой товстоноговской. Грибоедовская сделана в Тбилиси 2005 года, пережившем и продолжающем переживать весьма несмешные перипетии. Видимо, от этого легкая, искрящаяся юмором пьеса, получившая в нынешнем варианте второе название «Поэма о старом Тбилиси», нагружена откровенно публицистическим звучанием. Сцены «отбивают» не легкомысленные кинто, а комедии с набеленными лицами, которые уже в прологе зовут публику в тот Тбилиси, которого больше нет. Дранный князь Пантиашвили, не имевший ничего, кроме титула, и богатый армянский купец, жаждущий заполучить герб, – что за конфликт, тем более антагонизм по нынешним временам? Всем было хорошо, все любили друг друга. Здесь, в сутолоке базаров и духанов, обнаруживается и пьяненький Александр Дюма (его пребывание в Тифлисе – исторический факт), и развеселый Александр Сергеевич Пушкин (тоже, как известно, бывал), и Лев Толстой. Да и заканчивается спектакль не только свадьбами, а еще и сообщением об открытии русского театра».

Незабываемое прошлое воскресло и на юбилейном вечере. В рассказе о том, кем, когда и

Гига Лордкипанидзе и Кирилл Лавров. 2005

Кирилл Лавров и Николай Свентицкий. 2005

как создавался русский театр – любимое детище Тифлиса. Конечно, было названо имя графа Михаила Семеновича Воронцова... Страницы истории озвучили, причем в декорациях «Ханумы», грибоедовцы – бывшие и нынешние. Зрители с удовольствием встретились с любимыми артистами, теми, кого уже больше и не чаяли увидеть на сцене театра Грибоедова, – Ефим Байковский, Борис Казинец, Ариадна Шенгелая, Михаил Иоффе, Светлана Головина, Замира Григорян, Ирина Квицинадзе, Виктор Захаров, Нелли Килосанидзе, Волемир Грузец, Тамара Соловьева, Владимир Бурмистров, Лариса Крылова, Алик Кухалеишвили...

Грибоедовцев почтил своим присутствием на юбилейном вечере сам Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй. Он тепло поздравил героев дня. На юбилее выступил тогдашний министр культуры, охраны памятников и спорта Грузии Георгий Габашвили, подчеркнувший, что театр Грибоедова – неотъемлемая часть грузинской культуры. «Какова бы ни была политическая конъюнктура, люди культуры будут дружить. Театр Грибоедова – пример того, как творцы могут помогать своим странам», – отметил он.

А глава российского дипломатического ведомства Владимир Чиквишвили выделил сразу три момента: значение театра для развития грузинской культу-

ры, его роль как очага русской культуры и русского языка, а также миссию сопряжения двух культур. Он зачитал собравшимся текст поздравления тогдашнего министра культуры России Александра Соколова. Российское культурное ведомство объявило благодарность худруку театра Автандилу Варсимашвили, директору Николаю Свентицкому, организовавшему этот незабываемый праздник – Ирине Мегвинетухуцеси и Валерию Харютченко. Позднее названным лицам были вручены высшие государственные награды Российской Федерации – Ордена Дружбы.

Сердечным, эмоциональным было выступление Кирилла Лаврова. По его словам, ничто не может омрачить дружбу между нашими культурами, театрами, артистами. «Артист – достоинство всего мира. Мне кажется, грибоедовцы в полной мере оправдывают великое звание – «артист». Он отметил художественные достоинства нового спектакля «Ханума».

Вспомнили на вечере и тех грибоедовцев, которых уже нет на свете. Их лица появились на большом экране... Завершился вечер пышным фейерверком.

А в фойе была развернута экспозиция. В ней были представлены материальные свидетельства многолетнего творчества театра. Фотографии, костюмы, афиши, газетные публикации – все это позволи-

ло вернуться в замечательное прошлое русского театра в Грузии.

«Что и говорить, не в лучшие времена довелось Театру Грибоедова справить громкую дату, – отмечала Н. Каминская. – Но в том, как сложился юбилейный вечер, как он был продуман и срежиссирован, прозвучало какое-то грандиозное неповиновение обстоятельствам».

«О этот театр, как будто такой беззащитный в нынешней бурной жизни, однако умеющий делать то, что не дается политикам: держать людей вместе, – писала Татьяна Шах-Азизова. – Не друг против друга, а вместе. И сохранять для нас нечто неподвластное моде, времени, смене режима и прочим житейским новшествам и катаклизмам. А если к этому прибавить и силу предания, стоящего за театром, и ту среду, в которой он существует, – страну, город с его особенной атмосферой – впечатление станет неотразимым».

А вскоре после юбилея театр отправился в Москву на гастроли, о чем написала на страницах журнала «Русский клуб» Вера Церетели: «Эхо 160-летнего юбилея Тбилисского русского театра имени А. С. Грибоедова докатилось до Москвы. Среди торжеств юбилейного вечера в Тбилиси Государственный театр Наций, а точнее, его директор Михаил Михайлович Чигирь преподнес театру большой подарок – приглашение грибоедовцев с новым детским спектаклем на гастроли в Москву».

В карете прошлого – в будущее!

Тбилисский театр имени А.С. Грибоедова 170-летний юбилей отметил в 2015 году широко и торжественно, созвав на празднование актеров, режиссеров, художественных руководителей и директоров театров, продюсеров, представителей театральных фестивалей, поэтов, писателей, театроведов и журналистов из 25 стран. Все они стали участниками Конгресса русских театров зарубежья, инициатором проведения которого стал директор театра и президент МКПС «Русский клуб», заслуженный деятель искусств, за-

Сцена из спектакля «Холстомер. История лошади». 2015

служенный артист РФ Николай Свентицкий.

На малой сцене театра-юбилера прозвучал монолог Грибоедовца, Народного артиста Грузии Бориса Михайловича Казинца, отметившего недавно свой 85-летний юбилей. Публика встретила артиста очень тепло, радушно – несмотря на то, что Борис Михайлович уже много лет проживает в США, в Тбилиси его не забыли и были счастливы вновь оказаться во власти его сценического обаяния и таланта. Моноспектакль Бориса Казинца под названием «В карете прошлого» покорила своей исповедальностью, ностальгической интонацией, самоиронией и юмором. Воспоминания перемежались стихами и монологами. Зрители и актер, вновь встретившиеся после разлуки, долго не могли расстаться друг с другом.

На следующий день в рамках грандиозного юбилея, организованного театром вместе с МКПС «Русский клуб», открылась конференция «Русский театр за рубежом: проблемы и перспективы». За «круглым столом» обсуждались проблемы театрального образования, а вторая половина дня была полностью посвящена легендарной личности – Георгию Товстоногову, столетие которого отмечается в нынешнем году. С

монологами, воспоминаниями о великом Гоге выступили ученики режиссера Олег Басилашвили, Темур Чхеидзе, Сандро Мревлишвили, заместитель художественного руководителя по общественно-просветительской и исследовательской деятельности БДТ имени Г. Товстоногова Ирина Шимбаревич.

Народный артист СССР Олег Басилашвили призвал следовать путем Георгия Товстоногова и поделился мыслями о тревожных тенденциях в современном театре.

Вручение подарка на 170-летнем юбилее театра

«Постмодернизм страшен, когда за ним скрываются бездарность и непрофессионализм. Наш театр переживает серьезную болезнь. Остались в прошлом режиссеры, стремившиеся выразить на сцене духовность, рассказать о человеке, а не заставлять зрителей разгадывать ребусы и кроссворды «за кадром». Современные режиссеры будто не читают пьес, это сейчас немодно. Сегодня они ставят не произведения, а спектакли о самих себе».

Режиссер Сандро Мревлишвили:

«Говорить о Георгии Товстоногове очень легко и одновременно очень трудно. Я как студент его первого режиссерского выпуска в Ленинграде стремился следовать религии и учению своего учителя. Если сегодня что-то нужно театру – не только грузинскому или русскому, но мировому, – это Товстоногов, товстоноговское наследие. В массовой культуре мы теряем главное – профессионализм. Наверное, время задуматься о профессионализме, приверженцем которого всю свою жизнь был Георгий Товстоногов».

Режиссер Темур Чхеидзе рассказал, как легко ему работало с товстоноговскими актерами в период пребывания на посту художественного руководителя БДТ. «Величие Товстоногова проявляется в том, как его дух сохраняется актерами,

На пресс-конференции. 2015

которые с ним работали».

В рамках диалога о Товстоногове была представлена книга Н. Шадури-Зардалишвили из серии «Русские в Грузии» – «Тбилиси – Санкт-Петербург и обратно». А также издания этой же серии «Ваше благородие, господин артист! Павел Луспекаев» Н. Шадури-Зардалишвили и «Свой среди своих. Александр Товстоногов» Л. Очаури.

В тот же день состоялось возложение цветов к дому и мемориальной доске Георгия Товстоногова.

Вечером в фойе Большого зала театра имени А.С. Грибоедова открылась постоянная экспозиция «Русский театр в Грузии», отражающая его 170-летнюю историю. Были представлены уникальные фотографии, афиши, плакаты, программки, макеты, предметы реквизита, костюмы, рукописи Михаила Щепкина и Александра Яблочкина, ставших зачинателями русского театра в Тифлисе. В создании экспозиции большую помощь театру оказал Государственный музей театра, музыки, кино и хореографии Грузии. Эта организация содействовала также рождению большой юбилейной книги «Русский театр в Грузии» и «вечно-го» календаря.

День завершился показом спектакля «Холстомер. История лошади» Л. Толстого, посвященного Георгию Товстоногову

Грибоедовцев поздравляет Ирина Муравьева. 2015

и Евгению Лебедеву.

На конференции состоялись дискуссии на темы «Русские театры зарубежья и СМИ» и «Русские театры зарубежья. Фестивальное движение. Значение и организация гастрольной деятельности».

Выступил известный режиссер, художественный руководитель Русского драматического театра Литвы Ионас Вайткус, отметивший, что на конгрессе собрались люди, не имеющие отношения к политике и дипломатии. «В Грузии должен быть сакральный театр. Спектакли

Гоги Товстоногова – тоже сакральная вещь. У него никогда не было преклонения перед людьми, которые стремятся только забавляться и не имеют ничего общего с сущностными вещами, не было легковесных, бездуховных постановок».

Состоялся непростой разговор о сегодняшней театральной критике. Выступил главный редактор газеты «Новые известия» и журнала «Театрал», президент премии зрительских симпатий «Звезда Театрала» Валерий Яков (первым лауреатом этой премии стал Грибоедовский театр). Он призвал московских критиков и журналистов писать не только о театрах в пределах «Садового кольца» и не только о тех, кто

любезны сердцу критиков. По мнению В. Якова, нужно активнее освещать театральную жизнь русского зарубежья.

Заострила проблему освещения в прессе театральной жизни московский критик, переводчик, преподаватель Ирина Мягкова: «Никто не занимается разбором спектаклей, все занимаются пиаром, в результате чего теряется смысл публикаций. Неправильно выделять русский театр за рубежом в качестве специальной, отдельной темы. Это и есть политика, пиар. В театре мы занимаемся

искусством, а не пропагандой имиджа России. Главное – заниматься искусством. Если где-то появляется замечательный спектакль, об этом сразу узнают повсюду».

По мнению грузинского театроведа Тамары Бокучава, русский театр за рубежом должен ориентироваться на местную культуру – культуру страны проживания. «Не обязательно, чтобы русские театры зарубежья ставили только русскую классику. Нужно поворачиваться к местной культуре, местному населению. На мой взгляд, не важно, на каком языке театр играет, главное, чтобы он занимался искусством».

В дни юбилея были открыты мемориальные доски, посвященные памяти выдающихся режиссеров Гиги Лордкипанидзе и Леонида Варпаховского. На церемонии выступила дочь Леонида Варпаховского – замечательная актриса Анна Варпаховская, создавшая в канад-

Народный артист Грузии Борис Казинец. 2015

Народный артист СССР Олег Басилашвили у мемориальной доски Г. Товстоногова. 2015

ском Монреале русский театр имени своего отца. Состоялась также презентация книги «Партитура судьбы. Леонид Варпаховский» из серии «Русские в Грузии».

Участники международной конференции «Русский театр за рубежом. Проблемы и перспективы» обратились к Союзу театральных деятелей (СТД) России с предложением «учредить ежегодные профессиональные премии и специальные призы для деятелей русских театров зарубежья». Министерству

культуры РФ и Федеральному агентству по печати и массовым коммуникациям было также предложено «рассмотреть вопрос об издании ежеквартального приложения к одному из популярных российских театральных журналов, целиком посвященному деятельности русских театров зарубежья». Кульминацией праздника стал юбилейный вечер (его поставил художественный руководитель театра, лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

Автандил Варсимашвили). Грибоедовцы, молодые и опытные актеры, в столь узнаваемых декорациях старого Тифлиса развернули перед гостями грандиозную, столетнюю историю русского театра в Грузии – напомнили факты, известные и неизвестные, славные имена режиссеров, актеров.

Театр имени Грибоедова поздравили тогдашние руководители страны: президент Грузии Георгий Маргвелашвили, премьер-министр Ираклий Гарибашвили, Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, а также экс-министр культуры России Владимир Мединский, председатель СТД России Александр Калягин. Тепло приветствовал грибоедовцев президент-председатель Правления Банк ВТБ (ПАО) Андрей Костин. ВТБ был генеральным спонсором юбилея.

Завершила юбилейные дни долгожданная премьера – «Ревизор» Н. Гоголя. Художественный руководитель театра Автандил Варсимашвили предложил новаторский подход к классике: представил публике впечатляющую фантазмагорию, насыщенную библейскими мотивами.

В центре Екатерина Трегубова (бабушка Катя), Любовь Танакова (бабушка Люба)

РАДОСТЬ

■ Юлия ТУЖИЛКИНА

Самоизоляция, карантин и режим #сидимдома# круто изменили привычный образ жизни и мыслей, открыли внутренние ресурсы добра, человечности, взаимопонимания и сочувствия. А также позволили вспомнить то хорошее, нежное, светлое, что когда-либо случилось с нами.

Поезд останавливается на маленькой, словно забытой всеми, обветшалой станции. Кругом ничего не видно. Слабые тусклые фонари не справляются с зимней тьмой. Бабушка, тяжело охая и вздыхая, подбирая сумки, которые постоянно выпадают из ее рук, готовится прыгнуть на землю. Но никак не решается: подножка у поезда довольно высокая. Вдруг меня, пятилетнюю девочку, подхватывают чужие крепкие руки и осторожно опускают на снег. Я очень плохо вижу из-за намотанных платков и шапки, которая постоянно сползает мне на глаза, и не могу разглядеть человека, помогающего нам; эти

же руки помогают бабушке спустить сумки вниз. Гудок поезда предвещает отправление. И бабушка, засуетившись, вдруг, на удивление, шустро спускается по ступенькам и прыгает с подножки.

– Ох, слава тебе, Господи! – выдыхает она, оглядывая меня и кучу нашего багажа. Мы приехали в ее родной провинциальный городок. Мало оживленный и запущенный.

– Какой же это город? – обычно начинаю я. – Это ж деревня! Тут и асфальта нет, и магазины вон какие грязные...

– Это город – Первомайск! – гордо парирует и обрывает мои логические доводы бабушка. Она гордится. И радуется. И словно молодеет. Здесь прошло ее детство и юность. Тут она встретила свою любовь – своего будущего мужа. Здесь до сих пор стоит деревянный пятистенный дом, поставленный ее отцом. В Первомайске живет ее сестра, к которой мы и приехали.

Нас никто не встречает. Бабушка сердится и недоумекает. Но делать нечего. Мороз такой, что ждать мы не можем, лучше идти. Часов восемь вечера, а на улице сказочное темное «царство». И только такие же пассажиры, как и мы, мрачными снеговиками молча бредут в темноте, по узкой тропинке вдоль огромных сугробов. А мне весело. Но и немного страшно. Огни города обычно скрашивают зимнюю российскую ночь. А тут темно, совсем. Слово черный театральный занавес нечаянно упал на городок. Мне в валенках и длинной шубе идти тяжело. Бабушка тоже бредет еле-еле. Ей трудно дышать, она часто останавливается и отдыхает. Мне ее жаль, ей нельзя поднимать тяжести. А тут такие сумки! Я тоже тащу какой-то узелок. Потихоньку, не разговаривая – рот мне завязали большим пуховым платком от мороза – мы добрались до какой-то широкой и немного освещенной улицы. И снова тишина. Все наши попутчики давно обогнали нас. И мы бредем вдвоем. Улица хорошо расчищена от снега, по бокам огромные, покатыстые сугробы-великаны. Свет слабых оранжевых фонарей отражается на снеге, который сверкает и

Город Первомайск, Нижегородская область

переливается. Но как-то грустно, тревожно и волнительно. Ждут ли нас? Правильно ли мы идем? Знает ли бабушка адрес? Но спросить я не могу – противный платок мокнет около рта и колючие ворсинки попадают мне в рот. Я молчу и переживаю.

И вот бабушка остановилась, прислушалась и скомандовала мне:

– Люлек, – беги вперед! Вон они, встречают. Поглядите на них! Там санки, беги, говорю! – она поставила сумки на снег, выпрямила спину и крикнула кому-то: – Катка! – ты?

– Любка! Я! Бегу! – это откликнулась сестра моей бабушки.

Я, расстегнув на бегу нижнюю пуговицу у шубы, и собрав все свои силы, бегу навстречу малознакомым родственникам. Бегу, не думая. Что я им скажу? Как поздороваться? – мелькает в голове. Я заранее стесняюсь, но бегу. Там впереди наше спасение! Меня подхватывают, обнимают, целуют. Бабушка Катя и ее дочка встречают нас с салазками – старыми большими плетеными санками, рассчитанными

на пару-тройку упитанных детей. Я туда помещаюсь вместе с нашими сумками. Вытягиваю ноги, меня накрывают каким-то стеганым одеялом. Бабушка Катя и ее Наталья впрягаются в сани и легко катят их по наезженной дороге. Моя бабушка Люба идет налегке. Взрослые смеются, шутят, обнимаются. Две сестры, такие разные по характеру, невероятно похожи. Обе невысокие, ладные, полноватые. У обеих черные, словно только что потухшие угли глаза, темно-русые с проседью косы, обернутые вокруг головы этакой короной и укрытые серой шалью. Они обе говорливы и шумны. Их голоса, низкие и раскатистые, словно контрабасы, раздаются эхом на тихой проселочной дороге.

Про меня забывают. И мне хорошо. Уставшие ноги гудят. Но так приятно, что в санях практически не осталось свободного места, и мне тепло. Я вытягиваюсь в полный рост и закидываю голову на бортик салазок. Восторженно и утомленно смотрю на удивительно спокойное и иссиня-черное небо, по которому мелким бисером рассыпаны звезды. Та-

кого неба в городе не увидишь, его тушат и оттеняют огромные фонари, словно отвлекая нас от главного. Мои глаза слипаются: я начинаю дремать. И на душе становится почему-то сказочно радостно. Понимаю вдруг, что нежно и ласково люблю всех: и свою бабушку, и ее родственников, и этот маленький городок, и эти салазки, и небо, и даже мороз, потому что все вместе они мне дарят спокойную, неспешную, какую-то простую и совсем обыкновенную, но от этого не менее сладкую радость.

Удивительно, что разноцветные осколки калейдоскопа никогда не складываются одинаково. Всегда их причудливый узор ярок, неповторим и приносит новые ощущения. Так и в жизни, все для нас ново и неизведанно. А все удивительно похожее на что-то, никогда не бывает таким же. Однако наше сердце хранит в своей памяти светлое и давно прожитое, хотя порой и непростое. Так совсем скоро мы будем вспоминать сегодняшние времена. И обязательно найдем то, что согрет сердца и позволит двигаться вперед.

GRINIKO

599 62 13 13

თბილისი

ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული

შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი

აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის

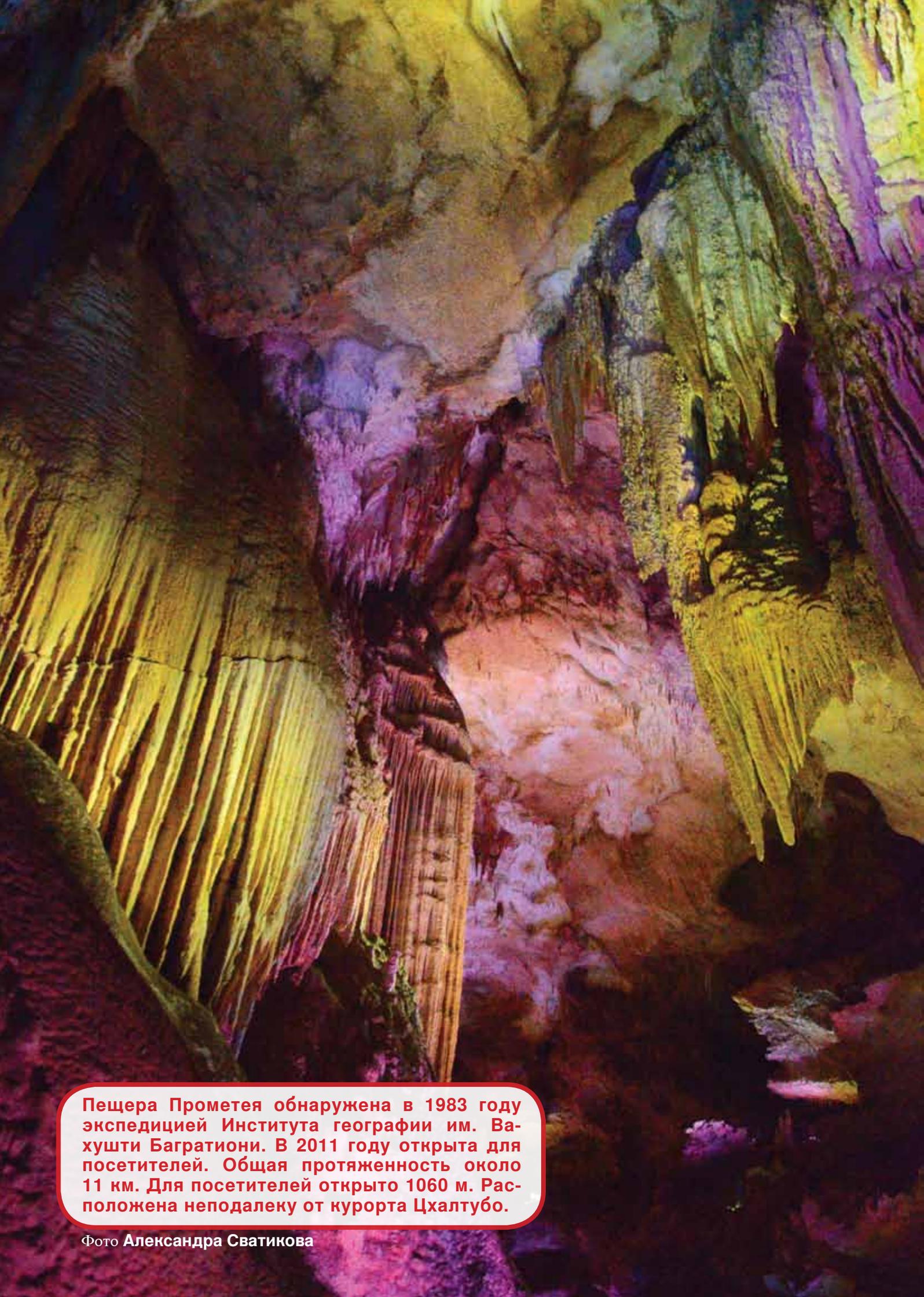
გოტვევს

ყველაზე დაბალ ფასად

300

ლარი

- ტრანსფერი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები სუბკარგარეთ
- სამომავლო დაზღვევა
- ფოტო

Пещера Прометейя обнаружена в 1983 году экспедицией Института географии им. Вахушти Багратиони. В 2011 году открыта для посетителей. Общая протяженность около 11 км. Для посетителей открыто 1060 м. Расположена неподалеку от курорта Цхалтубо.

Фото Александра Сватикова